Л. В. Беловинский

Жизнь русского обывателя

На шумных улицах градских

Леонид Васильевич Беловинский
Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских
Серия «Жизнь русского обывателя», книга 2

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17097287
Леонид Беловинский «Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских»: Кучково поле, Икс-Хистори; Москва; 2012
ISBN 978-5-9950-0301-4

Аннотация

Книга доктора исторических наук, профессора Л.В. Беловинского «Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских» посвящена русскому городу XVIII – начала XX в. Его застройке, управлению, инфраструктуре, промышленности и торговле, общественной и духовной жизни и развлечениям горожан. Продемонстрированы эволюция общественной и жилой застройки и социокультурной топографии города, перемены в облике городской улицы, городском транспорте и других средствах связи. Показаны особенности торговли, характер обслуживания в различных заведениях. Труд завершают разделы, посвященные облику городской толпы и особенностям устной

речи, формам обращения. Книга адресована специалистам, занимающимся историей культуры и повседневности, кино- и театральным и художникам, студентам-культурологам, а также будет интересна широкому кругу читателей.

Содержание

Введение 5
Глава 1 7
Глава 2 72
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Леонид Беловинский Жизнь русского обывателя. На шумных улицах градских

Введение

Мы продолжаем рассказ о повседневном существовании русского обывателя. Автор стремится разрушить «нас возвышающий обман», укореняющиеся в сознании массового человека ходячие мифологемы о дореволюционной России как о благословенной «динамически развивавшейся» стране всеобщего процветания с высокообразованным дворянством, утонченной аристократией, благородным блестящим офицерством, высококультурным купечеством с его «твердым купеческим словом», с великолепной школой, из которой выходили образованные воспитанные люди, и т. д. А для того чтобы читатель понял, что все было не совсем так, как пытаются его уверить и сами в этом убежденные писатели, журналисты и авторы телевизионных передач, в книге широко цитируются дневники, воспоминания, письма современников изображаемой эпохи и исследовательские работы ис-

тоpиков.

Конечно, читатель-скептик может возразить, что взамен одних мифологем внедряются другие. Но пусть он не в нынешних «поделках», а среди воспоминаний современников найдет надлежащие свидетельства: чтобы аристократы восторгались аристократами, купцы – купцами же, офицеры – офицерами, и не сыновья или внуки писали бы с хвалой об отцах и дедах, а люди сторонние, – и я в дальнейшем с благодарностью воспользуюсь этим. Потому что люди всегда остаются людьми, и среди людей заурядных, в которых было намешано всего понемногу (а так уж устроен человек, что дурное в нем перевешивает хорошее), всегда были личности незаурядные, высочайших достоинств. Об этом я не устаю напоминать в книге. Да вот беда, что были они именно *незаурядные*, из ряда вон выходящие.

Если русская деревня была объектом внимания историков, этнографов и социологов на протяжении многих десятилетий, то русский город почти не привлекал их взглядов (за исключением разве что экономики, промышленного пролетариата и революционного движения, которое преимущественно сосредоточивалось в городах). Практически лишь в последний десяток лет ученые разных специальностей стали активнее обращаться к изучению русского города и, в том числе, к изучению его повседневной жизни.

Глава 1
Сущность и облик русского города

В современном представлении город и деревня – абсолютные антиподы. В одном случае – громады многоэтажных жилых и общественных зданий, асфальт шумных улиц, заполненных транспортом и пешеходами, сутолока, грязный воздух, множество мелких и крупных предприятий. В другом – тишина, чистый воздух, поросшие травой улицы, с маленькими бревенчатыми домишками с садами и огородами, с неспешной жизнью.

Но это – представления индустриального, постиндустриального XXI в., к тому же сдобренные свойственными дачнику-горожанину идеализированными представлениями о современной деревне. Иным был город XIX, а тем более XVIII столетия.

Городская повседневная жизнь во многих чертах повторяла деревенскую повседневность. И по своей сути, и внешне русский город, особенно уездный, был похож на большое село. За немногими исключениями он являлся не промышленным, как сейчас, а военно-административным и торговым центром. Конечно, были и большие города с развитой промышленностью и торговлей: богатая Одесса, долго бывшая порто-франко, то есть портовым городом со свободным,

беспошлинным ввозом товаров, Киев, Петербург, Москва, в конце XIX в. быстро стал развиваться промышленный Харьков. Но еще в середине XIX в. даже нынешний центр Петербурга выглядел довольно непрезентабельно. Вот что вспоминал родившийся в 1869 г. князь В. А. Оболенский: «Четырехэтажный оранжевый дом на Малой Итальянской, в котором я впервые увидел свет, был одним из самых больших домов этой улицы, застроенной тогда маленькими деревянными или каменными домиками с мезонинами. Хорошо помню, как в раннем моем детстве я каждое утро, проснувшись, бежал к окну и смотрел, как по нашей улице шел пастух с огромной саженной трубой. На звуки его трубы отворялись ворота возле маленьких домиков и из них выходили разноцветные коровы». А Выборгскую и Петербургскую стороны Оболенский описывает как «захолустные уездные городки с деревянными домиками с огородами, окаймленными покосившимися заборами, с универсальными лавочками, в которых продавались и духи, и деготь» (95; 9, 10). Вот вид Петербургской стороны столицы в 40-х гг. XIX в. глазами ее обитателя, известного литератора А. М. Скабичевского: «Петербургская сторона в те времена нимало не походила на все прочие части столицы. Немощеные, обросшие травою улицы, непролазно грязные осенью и весною, пыльные летом и тонущие в глубоких сугробах зимою, с высокими дырявыми мостками вместо тротуаров; приземистые старенькие домишки с высочайшими, почти отвесными тесовыми и чере-

пичными кровлями, покрытыми мохом и травою, с покосившимися воротами, наверху которых росли обязательные березки; лабиринт глухих, кривых, безлюдных переулков и закоулков; дохлые кошки под серыми заборами, кривившимися направо и налево, – все это напоминало именно захолустный заштатный городишко, а не уголок европейской столицы» (126; 23–24). Мемуарист не прав только в одном: такими же были в ту пору в столице империи и Охта, и Пески, и Коломна; вспомним пушкинское описание «домика в Коломне»: «…У Покрова / Стояла их смиренная лачужка / За самой будкой. Вижу, как теперь, / Светелку, три окна, крыльцо и дверь… / Лачужки этой нет уж там. На месте / Ее построен трехэтажный дом».

Что же касается первопрестольной столицы, то Москва была в первой половине XIX в. глубоко провинциальным городом. Пензяк, проведший молодость в Москве, а затем перебравшийся в Петербург, сравнивая две столицы, отмечал, что даже Новгород и Тверь не приуготовили бы взор петербуржца к облику Москвы, поскольку своей архитектурой, прямизной и шириной улиц они мало отличаются от северной столицы. В Москве же петербуржцу «…покажут Тверскую улицу – и он с изумлением увидит себя посреди кривой и узкой, по горе тянущейся улицы… один дом выбежал на несколько шагов на улицу… а другой отбежал на несколько шагов назад… между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно примостился ветхий деревян-

ный домишко… подле великолепного модного магазина лепится себе крохотная табачная лавочка или грязная харчевня, или таковая же пивная […] Многие улицы в Москве… состоят преимущественно из «господских» (московское слово!) домов. И тут вы видите больше удобства, чем огромности или изящества. Во всем и на всем печать семейственности: и удобный дом, обширный, но тем не менее для одного семейства, широкий двор, а у ворот… многочисленная дворня. Везде разъединенность, особость; каждый живет у себя дома и крепко отгораживается от соседа. Это еще заметнее в Замоскворечье… там окна завешаны занавесками, ворота на запоре, при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво, или, лучше сказать, сонно» (11; 48–49).

Но В. Г. Белинский, процитированный выше, был человеком страстным и пристрастным, склонным к преувеличениям. В более спокойном тоне вспоминал в начале XX в. о Москве 50 – 60-х гг. XIX в. юрист Н. В. Давыдов: «Переносясь мысленно к детским годам моим, я отчетливо вижу былую Москву… и вижу, как громадно она изменилась с тех пор… В то время небольшие деревянные, часто даже неоштукатуренные дома и домики, большею частью с мезонинами, встречались на каждом шагу, и не только в глухих переулках, но и на улицах. В переулках с домами чередовались заборы, не всегда прямо державшиеся…» (149; 9). Москва во многом оставалась «большой деревней» в прямом смысле слова. Любопытны впечатления от одной из тогдаш-

них окраин Москвы 90-х гг. XIX в. С. Н. Дурылина. Его детство прошло в Елохове, точнее, в Плетешках, в Плетешковском переулке, в бывшей старинной барской, а теперь купеческой, усадьбе, где только сад занимал около десятины земли, окруженный столь же обширными садами соседей, а на дворе впоследствии был выстроен доходный дом и еще осталось просторное дворовое место. И, тем не менее, вот его реакция на усадьбу соседа, помещика Макеровского: «Когда мы с братом впервые вылезли из-под забора во владения Макеровского, мы разинули рты от удивления. Перед нами была большая лужайка с высокой травой, с белыми медуницами, с Иванчаем, с высокими лиловыми колокольчиками. Был полдень. Порхали цветистые бабочки, стрекотали кузнечики, какие-то маленькие птички отзывались им в траве точь-в-точь так, как отзываются в вольных лугах далеко, далеко за Москвой. Это были непуганные стрекозы, бабочки, птички над непутанною травою; никто ее не путал, не топтал, как на заповедном лугу… В кайме из белой сирени блестел под солнцем небольшой пруд… А немного поодаль, на самом припеке колыхалась зеленою волною рожь – настоящая… озимая рожь!

Нижний Тагил. Общий вид и Введенская улица

Была ли это причуда старого помещика, пожелавшего, чтобы в городе было у него в малом виде все, что было в его крепостной деревне, выражалась ли в этом старая, свойственная русскому человеку, выросшему среди медвяных ржаных межей и заключившему себя на безвыходный плен в городе, натура, но только у Макеровского каждую осень вспахивали сохой кусок земли, сеяли рожь, по весне появлялись всходы, Макеровский в халате выходил посмотреть на первые зеленя, затем на первый колос, а потом, при нем, жали эту полоску, на полоске появлялся золотой сноп. Не знаю, где и как молотили, мололи зерно, но угрюмый барин Макеровский каждую осень отведывал из собственного нового умолота хлеба, как его прадеды в исчезнувшей Отраде!» (40; 107–108).

Напомним: это Москва 90-х гг. XIX в. (Дурылин родил-

ся в 1886 г.). Читатель-москвич может поискать это местечко. Нужно выйти из станции метро «Бауманская» и, пройдя мимо Елоховского собора, свернуть налево, в сторону Доброй Слободки и Горохового Поля. Поищите на асфальте меж многоэтажных домов угодья Макеровского с золотой ржаной нивой!..

А вот описание купеческой усадьбы 70-х гг. XIX в. в Замоскворечье, на Татарской улице. «Как все там было не похоже на нашу Тверскую – ни экипажей, ни пешеходов, ни городовых. Мирная тишина деревенской усадебной жизни. Белый двухэтажный дом, перед ним большой двор, посыпанный красным песком, посреди двора развесистый дуб с подстриженной верхушкой в виде шатра. За домом большой сад с беседками, плодовыми деревьями, огородом и кегельбаном, тогда еще редкой новинкой» (4; 52–53). Не диво, что на широкой Татарской улице зимами устраивались конские бега! Впрочем, как увидим ниже, Тверская тоже недалеко ушла в ту пору от Татарской.

Петербуржец В. А. Оболенский вспоминал: «Каждую весну, проездом в деревню, мы проводили у нее (московской родственницы. – *Л. Б.*) недели две. После зимнего заточения в петербургском каменном доме в Москве я попадал в полудеревенскую обстановку. Я мог с двоюродным братом Гришей играть в прятки в саду, поросшем густыми кустами сирени и бузины, пускать змея на обширном дворе, забегать в конюшню, где так успокоительно фыркали две лошади тем-

но-караковой масти. До сих пор запах свежей земли мне всегда напоминает Кудринский переулок, очевидно потому, что там я впервые вдыхал этот совершенно незнакомый петербургскому ребенку весенний запах.

Да и вся обстановка и образ жизни обитателей Кудринского переулка были ближе к деревне, тогда еще недавно освободившейся от крепостного права.

В Петербурге у нас была вольнонаемная прислуга, а здесь, в Кудрине, еще сохранились старые дворовые, хотя и получавшее жалованье, но жившие в кудринском дворе больше по старой привычке, чем по необходимости. Все это были скорее друзья, чем услужающие. ‹…› Весь Кудринский переулок состоял всего из нескольких домов. Два-три барских особняка, а ближе к Кудринской площади – извозчичий двор и питейное заведение – «распивочно и на вынос». Редко кто проходил или проезжал по Кудринскому переулку. Поэтому шум приближавшегося экипажа вызывал в кудринских обитателях живейший интерес: кто едет и к кому? К нам или к соседям? Спорили: «Вот я говорила, что не к нам» и т. д.» (95; 41, 45). Провинция… Сейчас на месте этой практически деревенской барской усадьбы громоздится высотный дом на площади Восстания…

Обойдя сегодня все улицы и переулки сравнительно небольшого Китай-города, читатель не встретит там не только садов и огородов, но просто зелени. В канун XIX в. здесь, в городской части, в 146 обывательских дворах под камен-

ными строениями было 25 104 квадратных саженей земли, под деревянными – 3 973, под лавками – 9 039, под дворами – 31 121, под садами – 4 973, под огородами – 817 и даже под пустырями – 1540 квадратных саженей. Квадратная сажень – 4,093 м^2. А ведь это был не просто самый центр первопрестольной столицы – торговый центр!

Иваново-Вознесенск. Городской дом в провинции. (Дом Цветаевых)

Пустыри в центре столицы! Бурьян, мусор… Начальник «Кремлевской экспедиции» П. С. Валуев в письме генерал-губернатору А. А. Беклешову в 1806 г. писал: «Стены Китая, от злоупотреблений, обращены в постыдное положение. В башнях заведены лавки немаловажных чиновников. К стенам пристроены в иных местах неблаговидные лавоч-

ки, в других погреба, сараи, конюшни… Нечистота при стенах беспрерывно увеличивается, заражает воздух, и оне ежедневно угрожают падением». Ров возле стены Китай-города был везде завален сором, так как служил для обывателей и прохожих, особенно напротив Присутственных мест (нынешняя площадь Революции), свалкой. Завалено мусором было и пространство от Москвы-реки до Покровского собора и Набатной башни, а самые нечистые места были между Беклемишевской и Спасской башнями Кремля. И сама Красная площадь была вымощена булыжником только в 1804 г.!

А между тем, Москва была одним из крупнейших и быстро растущих городов России: в 1805 г. ее население исчислялось в 215 953 человека, по переписи 1871 г. в ней было 601 969 жителей, в 1882 г. – 753 469, а в 1897 г. – 1 035 664 человека; крупнее Москвы был только Петербург с его 1 267 023 жителями в 1897 г.

Тем паче сходны были с деревней маленькие уездные и заштатные города, да и губернские были не лучше. В каждом дворе были лошади, как и в деревне, гонявшиеся в ночное, имелись коровы, по утрам за пастухами шедшие на городской выгон, водились гуси и утки, петухи и куры, оглашавшие окрестности чисто деревенскими звуками. Обыватели обустраивались, кому как на душу глянется и насколько достанет средств и потребностей. Вот город Тверь в середине XVIII в.: «До случившегося здесь на городовой стороне по-

жара строение все было деревянное и простое, и строилось вдоль двора. У зажиточных людей были избы высокия, от земли до окон аршина 4 или 5, и три окна красныя, так по старине назывались, не выше в свету аршина с четвертью и не шире аршина, а внизу других окон не было ни у кого. А у других только среди красное окно, а по углам волоковыя, а у бедных – ниское строение и только два окна волоковых. Крыша была у всякова простая, стропилом на две стороны, как ныне в деревнях кроют. У богатых тесом, мало где гвоздьем, а больше в застрихи, а у многих больше дранью. Строение было неровное и непрямое, по старине – кто как построил. Инной двор вдался, другой выдался, иной накось, от чего и улицы кривыя были. Да и самая Большая дорога тоже кривая была; где широко, а где придется только с нуждою в две телеги разъехаться. И мощена была мало где досками, а все больше бережками поперег, неровно, где выше, где ниже, и не во всю ширину дороги. И во время весны или осени очень грязно, мало когда почищали. А протчия улицы были уския и кривыя, и неровныя, и не мощеныя, и во время малой мокрой погоды грязны, а во время весны и осени с большим трудом проехать можно. Больше были переулки – только в одну лошадь с телегою проехать можно. Во ином месте не можно стоять пешему человеку, где проежает телега: или остоновься где, пошире, или беги вперед» (146; 268). Только после грандиозных пожаров 1763 и 1773 гг. город был восстановлен на правительственную субсидию и по утвержден-

ному Екатериной II плану. Губернский, торговый Нижний Новгород и в начале XIX в., по мнению путешественника, был «строением беден и настоящим городом его почитать не должно» (Цит. по: 128; 367). Было в нем в ту пору 14 тыс. жителей, обитавших в обычных деревенских избушках, беспорядочно разбросанных на поросших крапивой и лопухами кривых улицах и тупиках, по косогорам, среди многочисленных глубоких оврагов. Николай I, посетивший его в 1834 г., был неприятно поражен обликом губернской столицы и собственноручно начертал на городском плане необходимые изменения и дал состоявшие в 88 пунктах указания по переустройству города. Тем не менее, в 1839 г. француз путешественник Астольф де Кюстин записал: «На нижегородских улицах хоть в шахматы играй» – ни шатко, ни валко шедшее переустройство города усугубило хаотичность планировки. На старых панорамных фотографиях русских провинциальных городов поражает обилие огородов, среди которых редко разбросаны дома. В Рыбинске, зажатом между двумя реками и страдавшем от малоземелья, «огородов, предназначенных для общего продовольствия жителей, два; впрочем, почти каждый дом имеет свои небольшие огородцы» (132; 79). При усадьбе переславского купца Воронцова имелось 40 десятин земли, на которой высевались рожь, овес, лен, картофель. В уездном сибирском городе Таре еще в середине 50-х гг. многие горожане сеяли хлеб, не только обеспечивая собственные потребности, но и продавая излишки, и «реши-

тельно все домохозева, имея свой рогатый скот, множество баранов и проч., бьют скотину сами» (75; 22). В Барнауле в это же время горные мастеровые «занимаются разведением огородных овощей и содержат каждый по несколько голов рогатого скота и лошадей», а омская городская дума просила у правительства увеличить выгоны для скота, которого было в этом важном военно-административном центре 1733 головы (там же). В крохотном Звенигороде в конце 70-х гг. было 120 лошадей, 262 головы крупного рогатого скота и 50 – мелкого. Даже в Москве «с Егорьева дня (23 апреля) каждое утро бодро звучал в Плетешках рожок пастуха, и наша Буренка, как будто дело было не в Москве, а в каком-нибудь Утешкине, присоединялась к стаду Чернавок и Красавок. И пастух гнал их по тихим переулкам на большие луговины в извилинах Яузы, возле бывшего Слободского дворца (в нем нынче МГТУ им. Н. Э. Баумана. – *Л. Б.*) или за садом бывшего загородного дворца Разумовских на Гороховом поле. Скот пасся там с весны до осени. На полдень коров пригоняли, точь-в-точь как в деревне, по домам. Черная Арина доила Буренку, нас поила парным молоком (весной накрошив в него «для здоровья» черносмородиновых почек или листочков), а мы потчевали Буренку круто посоленным ломтем черного хлеба. Когда я был совсем маленьким, у нас водились и овцы; они также ходили в стадо; а рукавички и чулочки у нас были из некупленной шерсти» (40; 103). Елохово тогда было окраиной Москвы. Когда в 70-х гг. XIX в. купцы

Андреевы по весне переселялись на дачу в Петровский парк (примерно на месте этой дачи – стадион «Динамо»), к телеге с «черной» кухаркой были привязаны коровы! А жили Андреевы в собственном доме в Брюсовском переулке на Тверской (в советское время – ул. Неждановой), и коровы важно шествовали мимо нынешней резиденции мэра Москвы (тогда – московского генерал-губернатора), через сегодняшние площади Пушкина, Маяковского, мимо Смоленского (Белорусского) вокзала, ни у кого не вызывая удивления. И вспоминала это жена поэта К. Бальмонта, умершая уже в 1950 г.!

Тверь

Курск. Общий вид

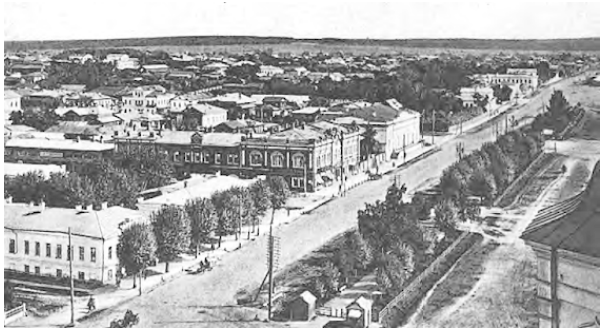
После этого не диво, что у богатых бар Яньковых, живших в Москве в конце XVIII в. «у Неопалимой Купины, в переулке» (поблизости от нынешнего высотного здания МИДа), возле дома «с садом, огородом и огромным пустырем, весною, пока мы не уедем в деревню, паслись наши две или три коровы» (116; 64).

Вообще русский город, особенно провинциальный, сильно удивил бы нашего современника, окажись он в нем хотя бы в конце XIX в. Иной раз он удивлял и людей XIX столетия. Так, орловский губернатор А. Р. Шидловский, прибыв в подначальный город в 1888 г., был поражен кучами… свежего навоза не только во дворах, но и на улице возле многих домов. Одним из первых его распоряжений было приказание полиции обязать жителей в кратчайший срок вывезти навоз за город. В ответ на имя губернатора было подано подписанное 150 обывателями прошение, в котором указывалось, что

большая часть горожан «топит печи как в кухонных, так и в жилых помещениях конским сухим навозом с соломой, для чего названный навоз, заготавливаясь весной в сыром виде, в летние месяцы сушится на наших дворах, чего нам никем и никогда до сего времени не воспрещалось», а потому горожане просили его отменить свой приказ, поскольку дрова очень дороги. Кажется, губернатор не удовлетворил прошение: в «Орловском вестнике» были опубликованы правила по санитарному состоянию города, где говорилось о немедленной уборке улиц и дворов от навоза (97; 174).

Разумеется, быстрые и радикальные социальные и экономические перемены на рубеже XIX – XX вв. изменили облик крупных промышленных городов. Писатель С. Р. Минцлов писал в своем дневнике в 1903 г.: «Строи тельная горячка, несколько лет охватившая… Петербург, продолжает свирепствовать. Везде леса и леса; два-три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их местах, как грибы, в одно, много в два лета, повыросли громадные домины…» В 1904 г. Минцлов вновь пишет: «Старый Петербург все уничтожается и уничтожается… Нет ни одной улицы почти, где бы старые двух- и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады» (Цит. по: 50; 214). О результатах этой урбанизации вспоминал В. А. Оболенский: «Как изменился Петербург за

время моей жизни!.. Кто из петербуржцев не знал Пушкинской улицы, начинающейся от Невского… Теперь эта одна из центральных улиц, сплошь застроенная многоэтажными домами. А в моем детстве (в 70-х гг. XIX в. – *Л. Б.*) эта улица, носившая тогда название Новой улицы, проходила среди пустырей и дровяных складов, а вечером считалось опасным по ней ходить, потому что там часто грабили […] Ко времени революции Малая Итальянская, ставшая улицей Жуковского, была уже одной из центральных улиц Петербурга. Гладкий асфальт заменил булыжную, полную колдобин, мостовую, редкие и тусклые фонари с керосиновыми лампами уступили место великолепно сияющим электрическим фонарям, а дом, в котором я родился, не только не возвышался уже над другими, а казался совсем маленьким среди своих многоэтажных соседей» (95; 9, 11).



Панорама Екатеринбурга. Главный проспект

Эту смену маленьких уютных деревянных домиков, огородов, пустырей и дровяных складов Петербурга многоэтажными кирпичными громадами как нельзя лучше показал нам петербуржец-художник М. В. Добужинский.

Большой промышленный русский город, тот же Петербург, переменился к концу XIX в. не только в отношении застройки. Перемены были и внутренние. «Он не вырос, не перестроился, но атмосфера иная. Чувствуется, что в нем уже не трепещут и боятся, а живут люди. Солдаты уже не маршируют, как оловянные автоматы, но ходят, как живые. Ремесленники не бегают больше по улицам в длинных из нанки рубахах и тапочках на босу ногу; дамы ездят без ливрейных выездных на козлах, уже не только в парных каретах, но и на одиночках, ходят по улицам без провожатых лакеев; штатские ходят, как за границей, в котелках, а не в высоких шляпах и картузах; бегают сами по себе дети. Не видно больше мордобитий. На улице курят, громко говорят, громко смеются, продавцы выкрикивают названия журналов, возницы больше не в лохмотьях, но аккуратно одеты. Исчезли с перекрестков будки, перед которыми в саженных киверах с алебардою в руках стояли пьяные будочники, засаленные фонарщики с вопиющими их тележками. Появились неизвестные прежде цветочные магазины, кофейные, кебы. Короче, если это не Европа, то уже и не безусловно Азия.

Но Петербург потерял свой характер. Пропали мужики с

лотками на голове, так своеобразно кричащие «цветы, цветочки», бабы с салазками, протяжно поющие «клюква, ягода клюква», татары с знакомым «халат, халаты бухарские», итальянцы-шарманщики с обезьяной, одетой дамой, и пуделем в треуголке и генеральских эполетах. Исчезли пестрые, смешно размалеванные громадные вывески. Исчезли криворожие господа, из рук которых фонтаном бьет кровь и под которыми кривыми каракулями начертано «стригут, бреют и кровь пущают… Тут же для здоровья банки ставят и делают гробы». Нет уже портного Петрова из Парижа и других немецких городов, у которого на одной вывеске изображен кавалер и дама с надписью «и мадам и мосье останетесь довольны», а на другой – нарядный мальчик и девочка с надписями «сих дел мастер на заказ и на выбор». Исчезли магазины, в которых продавались сальные свечи, воск, мыло и всякие вещи, которые покупают женщины. Нет и знакомых вывесок с изображением бутылки и кратким возгласом «ай да пиво, ай да мед». Многого уже нет. Петербург становился таким же, как и другие города» (27; 87–88).

Если в 60-х гг. XIX в. горожан было чуть более 8 млн, то, по данным переписи 1897 г., их численность возросла более чем вдвое, причем преимущественно в крупных городах, число которых также резко увеличилось (в 60-х гг. городов с населением более 100 тыс. человек имелось всего 4, а в 1897 г. их было уже 19). Напротив, в 110 маленьких городах количество населения сократилось на 104 тыс. Таким обра-

зом, шел быстрый процесс урбанизации. В Нижнем Новгороде, который, как уже отмечалось, в начале столетия «настоящим городом почитать» было «не можно», по переписи 1897 г. имелось 16 тыс. квартир, где обитало 90 125 жителей обоего пола.

Рославль. Петропавловская церковь

Однако эти перемены, и то лишь в облике отдельных городов, произошли за последние два десятилетия XIX в. А до того даже губернские города нередко только в центре являли собой подобие города в современном понимании. Уездные же города, почти сплошь деревянные, смотрелись не лучше большого села. Вот, например, описание одного из важнейших в хлеботорговом отношении уездного города Рыбинска, сделанное в 1837 г. О его торговом значении говорит такой факт, как население в почти 137 тыс. человек (!), из коих, однако, иногороднего купечества, судохозяев, прибыв-

ших с водных путей, и рабочих, прибывших с низовых пристаней Волги и отправившихся «к верховому ходу», было более 130 тыс. Точнее может свидетельствовать о величине Рыбинска число постоянных жителей женского пола, который вообще был гораздо менее подвижен: 3594 человека. Итак, в этом весьма богатом городе (299 купцов мужского пола всех трех гильдий) домов каменных (включая казенные) 174 и деревянных 337; в их числе «22 дома таких, в коих по ветхости и неотстройке никто не помещается» (132; 75, 76). А на 1811 г. из казенных и общественных зданий здесь имелись каменный двухэтажный, крытый железом дом, построенный в 1785 г. для городничего и казначея, но занимавшийся до 1803 г. уездными присутственными местами (дворянской опекой, уездным казначейством, уездным и земскими судами), а затем по ветхости опустевший; каменная одноэтажная почтовая контора со службами; каменный двухэтажный магистратский дом, крытый железом, где нижний этаж и погреба занимали торговые лавки, а наверху были городские присутственные места: магистрат, дума, сиротский и словесный суды и др.

Санкт-Петербург. Трущобы на окраине города

В губернском городе Вологде в 80-х гг. XVIII в. было 1463 дома (по другим сведениям, чуть более 1,3 тыс.), из них 16 каменных. А в 1846 г. здесь стояли 1335 домов, в том числе 63 каменных. Различия в цифрах и даже возможное сокращение числа деревянных домов можно объяснить обычными для того времени грандиозными пожарами, о которых будет сказано немного ниже. И даже в 1896 г. в Вологде имелось всего 1963 дома, из них 217 каменных. В уездном же Звенигороде Московской губернии с его 1,5 тыс. душ жителей, в середине XIX в. было 10 каменных строений, из них два принадлежали казне.

По российским меркам первой половины XIX в. города с числом жителей более 25 тыс. считались большими, от 5 до 25 тыс. – средними и менее 5 тыс. душ – малыми; в это время довольно было городов с населением менее 1 тыс. человек. Вопрос только в том, когда считались эти тысячи. Читатель,

вероятно, уже обратил внимание на то огромное место, которое в Рыбинске занимало, так сказать, переменное население – торговцы и судорабочие. Зимой же, когда прекращалось судоходство, все эти десятки тысяч людей исчезали из города, жившего теперь преимущественно ремонтом и охраной зимующих барок с хлебом. Даже Москва, важный и большой торгово-промышленный город и административный центр, по отзывам современников, периодически пустела, только, в противность Рыбинску, летом: помещики с многочисленной дворней разъезжались по имениям, учащиеся отправлялись на каникулы, войска уходили в лагеря, а сезонные рабочие – в деревню, на сельскохозяйственные работы. Современник записал в мае 1806 г. в своем дневнике: «Москва начинает пустеть: по улицам ежеминутно встречаешь цепи дорожных экипажей и обозов; одни вывозят своих владельцев, другие приезжают за ними. Скоро останутся в Москве только коренные ее жители: лица, обязанные службою, купцы, иностранцы и наша братия, принадлежащая к учащемуся сословию» (44; I, 86). Зато зимой Москва могла показаться оживленной столицей: «Не одно московское дворянство, но и дворяне всех почти великороссийских губерний стекались сюда каждую зиму, – вспоминал Ф. Ф. Вигель. – Помещики соседственных губерний почитали обязанностию каждый год, в декабре, со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять

в деревню… Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупою, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами. Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом без дорожек, заглохшим крапивою, но где можно было, однако же, найти дюжину диких яблонь и сотню кустов малины и смородины» (23; 71).

Молога. Народная столовая на Череповской улице

Вообще понятие «город» в России было очень растяжимым. Со средневековья городом считалось поселение огороженное, то есть имевшее валы и стены для обороны. До второй половины XVII в. ни в отношении населения, ни относительно управления разницы между городом и селом практически не существовало: лишь бы была городьба. Затем около 100 лет шла дифференциация, главным образом административного характера. В 1764 г. были введены городские штаты, и в списке осталось всего 165 городов и 13 пригоро-

дов: остальные были выведены за штат или даже перечислены в села. На конец XIX в. городов в империи было уже 919 (по данным МВД и губстаткомитетов – даже 945) городов. И жило в них около 17 млн человек из более чем 126 млн всего населения.

Правда, множество этих городов представляли даже по числу горожан нечто сомнительное: в конце XIX в. 23 из них имели менее чем по 1 тыс. жителей (всего в них 14,5 тыс. человек), а в начале столетия их было даже 129 из общего числа в 634 города; 249 городов насчитывали от 1 до 5 тыс. обитателей и 255 – от 5 до 10 тыс. В губернском городе Вологде, о которой упоминалось выше, в 1788 г. было 9,6 тыс. жителей, в 1846 г. уже 14,3 тыс., а в 1896 г. – 25,6 тыс. На рубеже XVIII–XIX вв. из старинных «стольных» городов, некогда княжеских столиц: Ростов Великий имел около 4,5 тыс. жителей, Переславль-Залесский около 4,6 тыс., Муром около 4 тыс., Суздаль около 2,9 тыс., а преобразованные в город из села Вязники – всего-то около 1 тыс. Сравним их хотя бы с принадлежавшей князьям Трубецким слободой Халань Новооскольского уезда, которая еще в 40-х гг. XIX в. была «громадным, в три тысячи душ селом, занимавшимся различными видами кожевенного мастерства, настолько обширного, что там бывала ежегодно ярмарка» (144; 34). Так что дело было не в сущности, а лишь в статусе.

Кроме того, в России было нечто среднее – город не город, село не село. Это были так называемые заштатные города,

еще сохранявшие статус города, но лишившиеся своих уездов, а значит, не имевшие даже мелкого чиновничества, и не привлекавшие окрестных помещиков; посады – поселения, утратившие характер села, поскольку население занималось ремеслами и торговлей, но не получившие статуса города; местечки – нечто совсем невообразимое: большие селения, компактно заселенные евреями и не имевшие статуса города, но и не бывшие селом, поскольку в «черте оседлости» евреям было запрещено владение собственностью в сельской местности, да на протяжении более 100 лет делались тщетные попытки запретить и проживание их там. А ведь в посадах Сергиевом Московской губернии было 25 тыс. жителей, в Павловском – 8 тыс., в Азове Донской области – 27,5 тыс., в Колпино Петербургской губернии – 8,5 тыс. человек. Чем не города? Да и в заштатном городе Балаклаве Таврической губернии все же имелось 1,3 тыс. жителей. Всего в 76 таких поселениях было почти 330 тыс. жителей. Да к этому нужно добавить свыше 1,6 тыс. местечек, многие из которых имели по несколько тысяч населения. Так, старинное историческое местечко Смела Киевской губернии (ныне г. Смела Черкасской обл.) в 60-х гг. насчитывало 12,6 тыс. жителей – поболее, чем в нескольких сотнях «городов».

Уездный город. Данилов. Торговая площадь

Наконец, существовало бесчисленное количество поселений при разного рода частных и казенных заводах, поселений, по сути, промышленных, а внешне – сельских. В этом была особенность размещения старой, особенно так называемой горно-заводской промышленности: непосредственно на рудных залежах, возле воды (водяное колесо долго оставалось источником энергии) и леса (древесный уголь – единственное металлургическое топливо) возникали рудники, и при них металлургический завод, а уж их облепляли со всех сторон домишки заводских рабочих. Великое множество таких заводских поселений приобрело статус города только при советской власти, а городской облик – лишь к концу XX в.

Старые панорамные фотографии русских городов, в том

числе и Москвы, дают нам зрелище обширной плоской серой деревянной застройки, густо перемежающейся купами рощ, садов и огородами. Лишь кое-где над ней возвышаются богатые каменные особняки, здания присутственных мест, полицейских частей с каланчами, да многочисленные храмы и колокольни. Зелени много было в русских городах и их окрестностях. Мало того, о ее сохранении и умножении заботились. После сноса московских укреплений Белого и Земляного города на их месте были разбиты бульвары – нынешние Бульварное и Садовое (откуда при советской власти сады исчезли) кольцо, обсажены были деревьями Москворецкая и Кремлевская набережные и берега Неглинной. Еще в 1801 г. (!) царский указ Департаменту уделов воспретил строительство в прилежащем к Москве селе Алексеевском фабрики, дабы не уничтожать корабельный лес Погонно-Лосиного острова на дрова и не загрязнять Яузы и ее берегов. А ведь удельная фабрика должна была давать дополнительный доход именно царю! В 1804 г. было утверждено положение о сбережении ближайших к Москве шести рощ: Лосиного острова, Оленьей, Алексеевской, Кишинской, Зеленой и Благуши; в целях сохранности и благоустройства в ведение Дворцового управления были переданы Слободской, Анненгофский, Царицынский и Всехсвятский сады; позже, с переходом в руки Императорской фамилии Нескучного, имения А. Г. Орлова, и дачи «Студенец», и их сады были взяты под охрану. Точно так же заповедными зонами были и петер-

бургские и пристоличные царские парки: Летний, Елагинский, Каменноостровский, Таврический, Екатерингоф, Петергоф, Павловск… В то же время все они были открыты для народных гуляний.

Петербургская улица

Русское понятие «город» являлось в основном формальным и связано было с наличием административных функций и системы управления.

Город был административным, а то и военно-административным центром. «Штатные», то есть обладавшие административными функциями, города делились на губернские и уездные. На конец XIX в. в империи состояло 69 губерний с их центрами и дюжина окраинных областей, по сути, от губерний ничем не отличавшихся. Во главе губернии стоял ее начальник (официальное наименование), губернатор, лич-

но назначавшийся Императором и подчиненный Министерству внутренних дел. Области и некоторые окраинные губернии возглавлялись военными губернаторами, одновременно являвшимися и воинскими начальниками. Пограничные губернии, по несколько, объединялись в генерал-губернаторства; однако генерал-губернатор не управлял подведомственной территорией, а только осуществлял высший контроль за администрацией и был командующим войсками. Губернатор в своей деятельности опирался на свою канцелярию во главе с ее правителем дел. А поскольку функции управления были многообразны, в верховном подчинении губернатора находилось множество губернских учреждений. Система их, даже с 1775 г., когда было введено Учреждение о губерниях, постепенно менялась в сторону умножения. К концу XIX в. в губернском городе находились губернское правление, казенная палата, губернское казначейство, губернский статистический комитет, губернские по земским и городским делам, по крестьянским делам, податное, по питейным делам, по фабричным делам присутствия, управление государственных имуществ, распорядительный и лесоохранительный комитеты, учреждения контрольного, таможенного, военного, духовного, учебного, почтово-телеграфного и иных ведомств, а ранее имелись губернские комиссии – дорожная, строительная, народного продовольствия; палата государственных имуществ, удельная контора, присутствие и комитет о земских повинностях, приказ обществен-

ного призрения, управление акцизными сборами, контрольная палата, по воинской повинности присутствие. Соответствующие учреждения находились и в уездных городах, а так как у губернских городов были свои уезды, то уездные учреждения имелись и здесь.

Поскольку в книге то и дело будут попадаться названия различных учреждений и должностей, необходимо дать читателю хотя бы самое краткое представление о них.

Все высшие и центральные учреждения, от Сената до министерств, подразделялись на департаменты во главе с директорами, а департаменты – на отделения во главе с начальниками отделений. Подразделениями министерств, либо самостоятельными распорядительными учреждениями были и экспедиции, возглавлявшиеся экспедиторами. Отделения, экспедиции, а также многие местные учреждения делились на исполнявшие определенные функции столы во главе со столоначальниками; иногда по старинке столы назывались повытьями, а их начальники – повытчиками. Хозяйственные функции и в высших, центральных, и в местных учреждениях принадлежали экзекуторам, которые, кроме снабжения учреждений дровами, чернилами, перьями, мебелью и т. п., также наблюдали за порядком и дисциплиной служащих. Надзор за соблюдением законов всеми местами и должностными лицами принадлежал назначаемым Сенатом прокурорам, помощниками и заместителями которых были губернские и уездные стряпчие уголовных и гражданских дел.

По русскому праву «высшее в губернии место, управляющее оною в силу законов, именем Императорского Величества» было – губернское правление. В действительности круг дел, предоставленных губернскому правлению, был ограничен, а главное, полновластным «хозяином губернии» был губернатор. В состав губернского правления входили общее присутствие и канцелярия. Общее присутствие под председательством губернатора включало вице-губернатора, советников и ряд специалистов. Канцелярия под общим наблюдением ближайшего помощника и заместителя губернатора, вице-губернатора, подразделялась на отделения во главе с советниками правления. Москвичи, проходя на Красную площадь Иверскими воротами, мимо Исторического музея, напротив него могут видеть старинное здание Московского губернского правления, где, между прочим, размещалась знаменитая «яма» – городская долговая тюрьма. Финансовые дела ведала губернская казенная палата во главе с председателем; это была важная фигура, непременно в генеральском чине, тогда как вице-губернаторы и прокуроры обычно были чинами младше. Казенной палатой контролировались губернское и уездные казначейства, непосредственно занимавшиеся сбором, хранением и выдачей денег. Богоугодные заведения, больницы, остроги были в ведении приказов общественного призрения, а в уезды назначался смотритель этих заведений. Почту возглавляли почтмейстеры, а в столицах были большие почтамты с почт-директорами во гла-

ве. Частные вопросы (строительство, дороги, рекрутские наборы, борьба с эпидемиями и пр.) были в ведении временных комиссий из наличных чиновников, под председательством губернатора, вице-губернатора или предводителя дворянства. Вообще губернский и уездный предводители дворянства играли большую роль в административном управлении, и губернский предводитель фактически был вторым после губернатора лицом, нередко составляя ему оппозицию.

Важную роль в местном управлении играли губернские палаты государственных имуществ с подчиненными им лесничествами и другими учреждениями, и удельные конторы, управлявшие удельными имениями, доходы с которых шли на содержание Императорского Дома. По местным обстоятельствам, в городах могли быть и органы лесного, горного ведомств, соляные конторы и пр.

Довольно сложной была судебная система, до второй половины XIX в. имевшая ярко выраженный сословный характер. Первоначально крестьяне подлежали суду нижних и верхних расправ, горожане – городовых и губернских магистратов, дворяне – верхних земских и уездных судов; все эти органы имели выборных судей и заседателей. Всесословной инстанцией были губернские палаты гражданских и уголовных дел с назначаемыми судьями и выборными заседателями от сословий. А высшей инстанцией был Правительствующий Сенат – высшее контрольное и судебное учреждение. Император Павел I со свойственной ему решительно-

стью разрушил эту екатерининскую систему, а при ее восстановлении Александром I были оставлены только городские магистраты, уездные суды с назначаемыми судьями, ставшие всесословными органами, и губернские палаты. В столицах, кроме того, имелись надворные суды по назначению от правительства для рассмотрения дел приезжих всех сословий. Эта система дополнялась выборными словесными судами для разбора хозяйственных и торговых дел и, не во всех городах, судами коммерческими для дел о торговых спорах и торговой несостоятельнос ти, совестными судами для рассмотрения преступлений, совершенных несовершеннолетними и умалишенными. Имелись в городах и сиротские суды, но на деле это были органы опеки над сиротами, вдовами и недееспособными лицами: словом «суд» (от «суждение», «рассуждение») иногда обозначались вовсе не судебные учреждения. Судебные дела решались в отсутствие ответчиков и истцов, которые призывались лишь для дачи показаний, без участия защиты и обвинения, в письменном порядке, путем подбора подходящих статей закона. Мелкие гражданские и уголовные дела рассматривались в устном порядке при полиции: в губернских городах – единолично частными приставами, в уездных городах – городничими, в уездах – главой нижнего земского суда, уездным исправником (капитан-исправником, или земским исправником). Решались они чаще всего не по закону, а «по совести», а совесть у полицейских чиновников того времени была чрезвы-

чайно эластичной…

В 1864 г. была проведена радикальная судебная реформа: суд разделен на мировой, с выборными от населения и на основе цензовых требований (но юридического образования не требовалось) мировыми судьями, единолично решавшими маловажные уголовные и гражданские дела, и коронный. Апелляции на постановления мировых судей, рассуживавших дела «на основе совести и естественного понятия о справедливости», принимались уездным съездом мировых судей, а далее могли передаваться в Сенат.

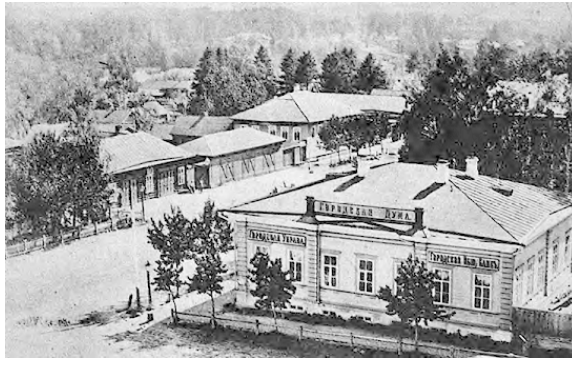
Низшей инстанцией коронного суда стали окружные суды, рассматривавшие все сколько-нибудь важные дела в присутствии выборных от населения присяжных заседателей; последние, руководствуясь совестью и понятием о справедливости, выносили вердикт – «виновен», «не виновен» или «виновен, но заслуживает снисхождения», а председатель суда на основе вердикта принимал окончательное решение. Вердикт присяжных был безапелляционен и мог обжаловаться только в кассационном порядке при нарушении процедуры. Выборы присяжных проводились к каждой сессии, по определенной процедуре, с правом отвода подсудимыми части присяжных, по заранее составлявшимся спискам, в которые не включались лица зависимые: студенты, военные и чиновники действительной службы, а также лица, работавшие по найму. От присяжных заседателей требовалось только умение читать, поскольку они имели право знакомиться с

документами. Вопреки расхожему мнению, в списки лиц, избиравшихся в присяжные, включались и крестьяне, причем предпочитались те, кто уже служил по выборам в сельских органах самоуправления, и, прежде всего, бывшие волостные судьи; например, первый состав присяжных Ямбургского окружного суда весь оказался крестьянским.

Второй инстанцией была судебная палата, рассматривавшая дела по кассациям в присутствии выборных сословных представителей. Высшей инстанцией был кассационный департамент Сената. Важную роль в заседаниях окружных судов играли обвинители в лице прокуроров и защитники – присяжные поверенные. Суд был гласным, то есть заседания проходили в присутствии ответчиков, истцов, свидетелей, публики и прессы. Независимость суда усиливалась принципом несменяемости судей, которые, при обвинении в преступлениях, могли быть лишь временно отстранены от исполнения обязанностей и представали все перед тем же судом присяжных. Русский мировой суд и суд присяжных были самыми демократическими судами в мире, и ненавидевшая их реакционная пресса презрительно именовала их «судом улицы»: он выражал мнение и настроения большинства народа. Спохватившаяся администрация пыталась сужать компетенцию суда присяжных, а мировые суды во время контрреформ 80-х гг. были упразднены, кроме таковых в нескольких крупнейших городах; место мировых судей заняли назначаемые правительством городские судьи.

В судебных и дореформенных полицейских органах четко просматривается признававшийся правительством еще с середины XVI в. принцип разделения страны на «мир», «землю», «земщину» – с одной стороны, и «корону», «казну» – с другой. Кстати, таким же образом разделялись и все подати и повинности населения: на земские, шедшие на местные нужды, и казенные. Этот принцип ярко проявился в существовании более или менее обширного местного самоуправления: еще Иван IV провел земскую и губную реформы с выборными от населения должностными лицами. Довольно широкое петровское городское самоуправление при преемниках преобразователя было низведено до ничтожества; Екатерина II «Жалованной грамотой городам» вновь поставила его в сравнительно широких размерах. Горожане, по роду занятий разделявшиеся на шесть групп, избирали городскую думу и ее главу, городского голову; дума, собиравшаяся только один раз, избирала из своей среды так называемую шестигласную думу, по представителю от каждой группы населения, постоянно работавшую под председательством городского головы. Дума должна была заниматься городским хозяйством, однако ее возможности сковывались отсутствием собственных средств и административной власти, так что современники иногда иронически называли ее «безгласной». В маленьких городах, где не было думского самоуправления, функции думы исполняли ратуши с выборными от «городских сословий» ратманами. Раскладка же и сбор податей

с городского населения принадлежали выборным магистратам.



Красный Холм. Городская дума

В 1870 г. введено новое, чрезвычайно широкое городское самоуправление, правом участия в котором обладали все плательщики специального городского налога – владельцы недвижимости. Общая сумма сбора делилась на три части, а избиратели – на три курии, мелких, средних и крупных налогоплательщиков; каждая курия в совокупности платила треть городских налогов и избирала треть гласных в распорядительный орган – городскую думу. Дума из своей среды избирала городского голову и исполнительный орган – городскую управу, и нанимала специалистов. На первый взгляд система вполне справедливая. А вот на второй… Значит, какая-нибудь неграмотная мещанка-вдова, имевшая до-

мик с огородиком и платившая налог с недвижимости, могла избирать и быть избранной, а профессор университета, промышленник, редактор газеты, снимавшие квартиры, то есть недвижимой собственности не имевшие, избирательными правами не пользовались. Кроме того, крупных налогоплательщиков было немного, а ведь они поставляли целую треть гласных; например, однажды в Рыбинске на долю крупных налогоплательщиков пришлось 12 мест в думе, а самих их набралось в городе только 11. Но в 1892 г. эта «несправедливость» была исправлена: мелкие налогоплательщики, в основном мещане, вообще лишились права голоса.

Теперь дума располагала значительными средствами, складывавшимися из налоговых сборов с собственности, по оценке самой думы, из продажи свидетельств на право торговли, занятий промыслами и т. п., вплоть до налога на собак: владельцы собак обязаны были покупать ошейники с номерками и держать собак во дворах, лучше – на привязи. Собака, бегавшая по улицам без присмотра, считалась бродячей и подлежала уничтожению полицией или частными лицами (в ту пору люди обладали правом свободного приобретения и ношения огнестрельного оружия, и против собак даже выпускались во множестве специальные короткоствольные облегченные револьверы под патрон от нагана – «бульдог» и «велодог»). При обнаружении на убитой собаке ошейника с номером с ее владельца брался внушительный штраф; штрафы вообще составляли значительную часть прихода в

городскую казну.

К сожалению, городские думы не обладали административно-полицейскими правами, и их решения должны были реализовываться административными органами, на содержание которых отводилась значительная часть городских финансов. Думы работали под контролем администрации, и губернаторы могли приостанавливать их решения. Кроме того, раздраженное слишком широкими правами горожан правительство Александра III урезало их: по новой реформе 1892 г. (точнее, контрреформе) члены городской управы считались на государственной службе и несли дисциплинарную ответственность перед администрацией, а в столицах городской голова назначался Императором из двух избранных думой кандидатов.

Зная облик русского города и род занятий его жителей, можно сразу сказать, что поначалу крупными налогоплательщиками были не купцы, а землевладельцы-помещики. Можно было вести многомиллионный торг, складируя товары в сарае красной ценой в 300 руб. на полудесятине городской земли, а можно было владеть десятком десятин этой земли с каменным дедовским особняком на ней, окруженным садом и огородом. Только к концу XIX в. в больших городах появились крупные фабрики и заводы, занимавшие значительную территорию, и с огромными каменными зданиями на ней, а дворянские особняки с множеством надворных построек и садами быстро стали переходить в купече-

ские руки, которые этой земле нашли более рациональное применение. Купцы превратились в крупных налогоплательщиков, и дело городского самоуправления перешло к предпринимателям.

Все это вовсе не значит, что горожане с головой погрузились в общественную деятельность. По положению 1892 г. избирательные права имели только собственники недвижимости по городской оценке не менее 1 тыс. руб., и торгово-промышленные фирмы как юридические лица; владельцы крупной недвижимости, одновременно состоявшие в торговых компаниях, обладали двумя голосами. В таком крупном в конце XIX в. торговом городе, как Нижний Новгород, с его 80 тыс. населения, в избирательных списках числилось всего 1,2–1,3 тыс. человек, из коих 30–35 избирателей могли голосовать по обеим категориям избирателей. Думских мест при этом было 60.

Во-первых, городским заправилам не выгодно было увеличивать число гласных от мелких избирателей: чем их меньше, тем больше доля крупных собственников в общем количестве гласных, тем тверже их власть в городе. Во-вторых же, чем дороже оценят твою собственность, тем больший городской налог с нее ты будешь платить, а право участия в выборах гласных – такой пустяк в сравнении с несколькими рублями налога! В итоге в Нижнем имелось множество владений, стоивших по несколько тысяч рублей, формально оценивавшихся в 800–900 руб. В 1895 г., например, оценочный сбор составил 77 тыс. руб., то есть общая стоимость собственности в городе была оценена в 7700 тыс. руб., в то время как, по оценке губернского земства, эта собственность стоила ни много ни мало – 49 млн руб. При правильной оценке один только оценочный сбор равнялся бы сумме всех собранных городом доходов в 0,5 млн (помимо сборов с частной собственности, город получал еще доходы от сдачи в аренду городской собственности, продажи торговых свидетельств, штрафов и т. д.). И все же, хотя горожане платили с собственности только шестую часть того, что должны были бы платить, они заваливали думу слезницами с просьбой «понизить», «отсрочить», «сложить», «простить» следуемые с них платежи (128; 511–512). Сегодня у нас масса избирателей в день выборов городского мэра или прези-

дента вместо избирательного участка отправляется на дачу, пьет дома пиво или просто ленится перед телевизором. А если бы избирательное право было еще связано с обязанностью платить за его реализацию!..

Городские органы самоуправления должны были, прежде всего, заниматься городским хозяйством: мостовыми, водопроводом, канализацией, освещением и пр. На них возлагалась и санитария, медицинское и школьное обслуживание горожан, так что город содержал и городской ассенизационный обоз, и городские больницы, и городские школы. Городские в том смысле, что они создавались и содержались на деньги города: были больницы и школы и казенные, и частные, и благотворительных и иных обществ. В столице Империи шедшие на благоустройство, санитарию и т. п. городские расходы в 1825 г. составляли 1 млн руб., в 1894 г. – 10,7 млн, а в 1907 г. – уже 25 млн, сумма внушительная. Из этих средств 27 % шло на содержание транспорта, освещения, водопровода, телефона, 34,5 – на благоустройство города, пожарные команды, медицинскую помощь, санитарный надзор, общественное призрение, 9,5 – на народное образование, 7,5 – на содержание полиции, войсковые квартиры и содержание административных учреждений, 14,5 – на уплату городских долгов и процентов по займам.

Крупные здания городских дум занимали видное место в застройке центров города. Москвичам хорошо известно краснокирпичное, в ложнорусском стиле, здание бывшего

Музея В. И. Ленина на бывшей же Воскресенской площади, ныне площади Революции. Это – Московская городская дума. В Петербурге увенчанное башней с часами здание бывшей думы находится на Невском проспекте.

Тула. Морская улица

Понятно, сколь важную роль в городской застройке имели административные здания – «присутственные места». Уездные или губернские, они представляли собой один или несколько каменных двух-трехэтажных корпусов. Поскольку строительство их приходится преимущественно на конец XVIII – первую треть XIX в., в соответствии с господствующим стилем классицизма и традицией они имеют четкое поэтажное членение, ось симметрии, отмеченную колонным или пилястровым портиком с треугольным фронтоном. Внутри было коридорное либо анфиладное расположение

служебных помещений, заставленных огромными тяжелыми столами с заляпанным чернилами зеленым сукном и еще более огромными шкафами для бумаг; мебель вся была сосновая, но под красное дерево. Здесь царили шум, грязь и хаос; в шкафах вперемешку с хранившимися в них растрепанными папками дел и связками бумаг можно было найти пустые штофы, огрызки хлеба и огурцов – следы чиновничьих незатейливых трапез. Только одна комната в здании присутствия представляла собой нечто вроде святилища и постоянно была заперта. Это была комната заседания присутствия (слово «присутствие» имело несколько значений: здание, комната, коллегия присутствующих и время служебных занятий). Здесь, напротив входа, стоял большой стол под зеленым сукном, за ним в центре – кресло для председательствующего и несколько стульев для членов присутствия. По бокам стола находились небольшие столики для секретаря и протоколиста, ведшего журнал заседаний. За председательским креслом на стене висел портрет царствующего императора во весь рост, в углу – икона с лампадкой перед ней (перед образом приносили присягу на Евангелии), а на столе перед местом председателя стояло зерцало. Это была трехгранная деревянная призма, увенчанная двуглавым орлом; на ее гранях были медные листы с выгравированными петровскими указами о хранении прав гражданских, о поступках в судебных местах и о государственных уставах. Каждое слово, сказанное при зерцале, считалось официальным заявлени-

ем. Если в присутственную комнату призывались для объяснений какие-либо лица, они должны были отвечать стоя, и только для особ первых шести классов Табели о рангах и кавалеров ордена Св. Владимира вносили стул. Эту «скинию завета» русского бюрократизма, как нельзя лучше охарактеризовал В. Г. Короленко: «Одну только комнату отец ограждал от вторжения всякой партикулярной распущенности. Это было присутствие с длинным столом, накрытым зеленым сукном с золотыми кистями и зерцалом на столе. Никто из мелких канцеляристов туда не допускался, и ключ отец хранил у себя. Сам он всегда входил в это святилище с выражением торжественно-важным, как в церковь, и это давало тон остальным… «Зерцало» было как бы средоточием жизни этого промозглого здания, наполненного жалкими несчастливцами…» (68; 156).

Пошехонье. Женская гимназия

Русский губернский город был еще и духовным центром: в нем располагалась архиерейская кафедра, архиерейский дом и духовная консистория, то есть управление православной церковью; там, где было много католиков и протестантов, имелись соответствующие учреждения. Преимущественно в городах находились и монастыри. И, естественно, облик города формировали многочисленные приходские храмы с их колокольнями. В Москве в канун вступления в нее французов числилось церквей – 329, монастырей – 24, а на конец XIX в. здесь было около 450 православных церквей, 8 иноверческих, мечеть, синагога, 21 действующий православный монастырь. Сотнями исчислялись храмы Петербурга, десятками – любого губернского города, да иные уездные, вроде Суздаля, Ростова Ярославского или даже Коломны, могли похвастаться немалым числом своих монастырей, храмов и колоколен, возвышавшихся над мещанскими домиками, купеческими и дворянскими особняками и множеством садов.

Большой город в полицейском отношении делился на части, возглавлявшиеся частным приставом, а части – на кварталы во главе с квартальными надзирателями. Охрана общественного порядка в губернском городе принадлежала Управе благочиния под председательством полицеймейстера, а в уездном – городничему, хотя в важном в торговом отношении уездном городе мог также быть полицеймейстер. Тот и

другой обычно назначались из заслуженных офицеров, уволенных от военной службы по причине увечий и болезней, не выслуживших пенсионного срока и не имевших иных средств существования. Ковыляющий на деревяшке по городу Р. (очевидно, Рыбинску) щедринский городничий из «Пошехонской старины», Серапион Мардарьевич Градобоев из «Горячего сердца» А. Н. Островского – инвалид, «ходивший на турка», капитан Тушин Л. Н. Толстого, потерявший руку под Шенграбеном и ставший красненским городничим – не литературные выдумки: после Отечественной войны 1812 г. полицеймейстером Нижнего Новгорода был назначен некто Махотин, оставшийся в Бородинском сражении без руки и носивший вместо нее железный крючок.

Здание полицейской части, независимо, находилось ли оно на площади или где-либо на городской улице, ничем не отличалось от присутственных мест, но увенчивалось пожарной каланчой с открытой площадкой наверху: пожарные команды под руководством брандмейстеров находились при полицейских частях, так что во дворе части были конюшни для пожарных лошадей и сараи для пожарного инвентаря и повозок. На каланче круглосуточно дежурил пожарный часовой. Заметив в городе дым или огонь, он звонил в колокол и поднимал на мачте, венчавшей каланчу, фонари (ночью) или черные шары (днем), указывая тем самым на место и силу пожара. При полицейской части был суд по мелким уголовным и гражданским делам, и частная квартира,

или съезжая для задержания нарушителей порядка и мелких преступников, а также для телесных наказаний приговоренных к ним частным приставом или направленных помещиками крепостных; наказание розгами производили пожарные солдаты. Так, в Рыбинске в 1811 г. имелись: «Полиция и при ней, для содержания от всех присутственных городских и уездных мест арестантов, тюрьма, деревянная… Съезжая, или дом для занятия принадлежностями городовой части, где помещается словесный частный суд и пожарные инструменты, деревянная…». По своей «необширности» (1498 жителей мужского пола и 1,5 тыс. женского) в 1811 г. Рыбинск в полицейском отношении делился на два квартала и управлялся с 1805 г. полицеймейстером, частным приставом и двумя квартальными офицерами (132; 29, 30). Вспомним, что в гоголевском городе, столь встревоженном приездом «инкогнито» Хлестакова, полицию осуществляли, кроме городничего, частный пристав и два квартальных.

Брандмайор Санкт-Петербурга

В каждом квартале на площадях и углах основных улиц были полицейские будки с круглосуточно дежурившими в них часовыми-будочниками и подчасками – полицейскими солдатами, вооруженными тесаками и громоздкими алебардами. «…Будки были двух родов – серые деревянные домики и каменные, столь же малого размера, круглые здания, вроде укороченных башен; первые темно-серого цвета, а вторые, помнится, белые с светло-желтым. Внутри будок имелось обычно одно помещение, иногда с перегородкой, большую часть которого занимала русская печь; иногда, если будка стояла, например, на бульваре, около нее ставилось нечто вроде заборчика, и получался крошечный дворик, в

котором мирно хозяйствовала супруга хожалого, висело на веревках, просушиваясь, белье, стояли принадлежности домашнего обихода и даже прогуливались куры с цыплятами. Кроме того, около присутственных мест и, помнится, кое-где на площадях стояли обыкновенные, военного образца, трехцветные (с черными, белыми и узкой оранжевой между ними полосой, так называемой «государственной трехцветкой». – *Л. Б.*) будочки, в которых стража могла укрываться в непогоду» (149; 9 – 10). В будках должны были находиться задержанные ночью нарушители тишины и порядка, воры, грабители и подозрительные личности, утром доставлявшиеся на съезжую. Иногда и содержались, – если будочник был трезв и не спал: «…На углу… стояла полицейская будка, у дверей которой показывался сам будочник, с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходящим офицерам. С наступлением же сумерек он вновь забирался в свою темную будку, где занимался или починкой сапог, или же изготовлением какого-нибудь особенно забористого нюхательного табака, на который предъявлялся большой спрос со стороны пожилых слуг соседних домов» (99; 9).

В 50-х гг. будочники, это нетрезвое, обросшее колючей седой щетиной, но мирное воинство, вызывавшее всеобщее недовольство, дополняется «хожалыми» – полицейскими солдатами, несшими рассыльную и патрульную службу. До введения в полиции постовых городовых хожалые, более

молодые, энергичные, опрятные, хотя и не всегда более трезвые, выполняли функции уличного надзора за порядком.

В 1862 г. была проведена полицейская реформа. При уплотняющейся застройке гуще стало население, да и прежний смирный обыватель, знавший свое место и безропотно подставлявший зубы под кулак, а спину под розги, стал неподатливым на «отеческие» увещевания. В крупных городах, вроде Москвы, полицию возглавил градоначальник, которому подчинялись 2–3 полицеймейстера. Полицейские части стали делиться на участки, с участковым приставом во главе. Прежние кварталы сменились входящими в состав участков полицейскими околотками с околоточными надзирателями. Хожалые и будочники вместе с будками были упразднены, а на постоянных уличных постах с 1867 г. встали вооруженные укороченными шашками (непочтительные горожане прозвали их «селедками») и револьверами подтянутые городовые из отслуживших срочную службу солдат и унтер-офицеров, оказавшиеся под контролем особых полицейских надзирателей в обер-офицерских чинах и околоточных. В городах, имевших не свыше 2 тыс. жителей, полагалось 5 городовых, один из них – старший; а затем на каждые 500 жителей ставили еще одного городового. В больших городах были команды конных городовых на случай уличных шествий и беспорядков. Больше ли стало от этого порядка на улицах – трудно сказать, но выглядеть все это воинство стало приличнее. Носили они серую зимой, белую летом форменную одежду

с особыми наплечными знаками различия: контрпогонами с лычками по званию, полученному на действительной военной службе, и наложенным сверху двойным оранжевым шнуром с гомбами, соответственно полицейскому званию. На головном уборе у них был городской герб и служебный номер, на тот случай, если обывателю придет в голову пожаловаться на излишнее служебное рвение «фараона», как прозвали городовых, вероятно, за невозмутимость и бесстрастность, проявляемую ими в уличной сутолоке и при происшествиях. Однако взятки полиция продолжала брать охотно, несмотря на свой приличный вид: «За прописку и выписку паспортов, главным образом прислуги, я платил пятачок полицейскому чиновнику, и постоянно они чего-нибудь припрашивали: то бумаги, то перьев, то конвертов и т. п. Все это я им приносил; околоточный надзиратель (они часто менялись) часто заходил ко мне и просил то на сапоги, то на квартиру и т. п.

Пожарные

И неудивительно, что полиция брала взятки: в Ярославле, в губернском городе, околоточный получал 42 рубля 50 копеек в месяц жалованья, без квартиры и одежды. А на парады нужно было выходить во всем чистом и новом: и сапоги, и мундир, и перчатки белые и т. п. Городовой… получал 12 и 15 рублей в месяц, так что эти были довольны и двугривенным!» (38; 256–257).

Однако городовые теперь только поддерживали порядок на улицах. Урбанизация привела и к количественному росту и качественным изменениям преступности, приобретавшей профессиональный характер. Для борьбы с ней были созданы сыскные отделения полиции с специально обученными сыщиками и следователями, с антропометрическими бюро для более точного описания примет рецидивистов, а затем и с фотографическими отделениями и объемистыми альбомами фотографий и описанием примет преступников, хотя бы раз попавших в объектив полицейского фотографа. Такие альбомы, комплектовавшиеся по «специализациям» преступников, были одновременно и методическими пособиями: в них детально разъяснялись методы совершения преступлений, специальные приемы воров, их «профессиональный» внешний облик и т. п. При новом характере городской застройки скученность населения грозила эпидемиями, и потребовались полицейские санитарные врачи, следившие за состоянием помоек и отхожих мест. Полиция все

более переходила на службу горожанам, а не собственному карману. Например, в 1901 г. в Петербурге было задержано 22 убийцы, 25 648 бродяг, найдено 11 728 похищенных вещей и лошадей, сделано 729 фотографий. А в 1903 г. были проведены дознания по 25 убийствам, 153 случаям нанесения ран, 228 грабежам, 451 краже со взломом, 2284 простым кражам; все наиболее крупные преступления были раскрыты, преступники задержаны (89; 163).

Однако были преступления и преступники другого рода – политические. Уже при Петре I следствие по ним приняло столь широкий размах, что был создан специальный Преображенский приказ. В течение XVIII в. политическое следствие то принимало чрезвычайно большие размеры, и «слово и дело государево» применялось очень широко, то сужалось, вплоть до того, что Петр III уничтожил Тайную канцелярию, то вновь возникало («благодетельная» Екатерина II восстановила тайный сыск и поговаривали, что его глава, Шешковский, широко пользовался пытками). При Павле I все это было прекращено, политические преступники (например, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков) вернулись домой, и политический сыск практически исчез. Только в 1810–1819 гг. существовало Министерство полиции, занимавшееся политическими делами, а именно, наблюдением за иностранцами, в особенности же – за жившими в России французами, что в пору борьбы с Наполеоном было весьма актуально. Но в 1826 г. было создано знаменитое Третье отделе-

ние Собственной Его Императорского Величества канцелярии – специальный орган политического сыска; прочие отделения этой Канцелярии занимались вполне невинными делами: учетом чиновников и их службой, законодательством, благотворительностью и пр. Однако штат III отделения при его возникновении составлял всего… 16 человек: маловато на такую страну. Да и при упразднении Отделения в 1881 г. он оказался немногим больше. Правда, говорят о существовании тайных осведомителей, платных и добровольных, да вот никто никогда и никаких документов на сей счет, в том числе финансовых (платежные ведомости), пока не видывал: то ли слишком тайными были осведомители, то ли слишком громкими слухи. Но в помощь III Отделению был создан его исполнительный орган – Отдельный корпус жандармов. Страна была разделена на жандармские округа во главе с генералами, в губернских городах были жандармские штаб-офицеры с командами, а в столицах стояли жандармские дивизионы: знаменитая Петровка, 38 – это перестроенное здание Московского жандармского дивизиона. Однако же тайной полицией жандармерию назвать никак нельзя: это была тяжелая кавалерия, носившая яркую форму голубого сукна, с красными воротниками и обшлагами, серебряные эполеты и аксельбанты, сначала, для отлички, на левом, а не на правом, как у адъютантов, плече. Примечательно, что, несмотря на многочисленные просьбы жандармов дозволить им ходить в статском платье, это было строго запрещено: они

и в голубых мундирах должны были завоевывать «доверенность обывателей», для чего им предписывалось быть в высшей степени вежливыми, обходительными и доброжелательными. С появлением железных дорог появилась еще и железнодорожная жандармерия, но она только следила за безопасностью на дорогах, и даже отличалась формой: красными аксельбантами и желтыми эполетами у солдат. Собственно же жандармы, то есть те, кого так не любили в России, занимались массой дел: слежкой за подозрительными иностранцами (контрразведкой), сбором разведывательных данных в приграничных губерниях (военнополитической разведкой), делами по разбоям на дорогах, изготовлению фальшивой монеты, крупным пожарам, наводнениям и другим стихийным бедствиям, контролем за местами ссылки и каторги, за чиновниками, дабы те не слишком превышали полномочия в распоряжении казенными средствами и «приношениями» просителей (ежегодно подавались отчеты о всех губернских чиновниках: каково образование, уровень компетентности, жалованье, наличие имения, размеры игры в карты и проигрышей, траты на лошадей и любовниц и т. п.), контролем за помещиками, дабы те не превышали своей власти над крепостными (широко известны случаи неожиданных наездов жандармов на имения славившихся своей суровостью помещиков и передачи их дел в суды), и, наконец, контролем «за состоянием умов», то есть собственно политическим сыском. Жандармам принадлежала также те-

атральная цензура (самое массовое из искусств – читали ведь далеко не все), и они даже должны были наблюдать за целостностью семьи! Дел – уйма. Кто может возразить что-либо против большинства из них, например, против контрразведки?

Частный пристав

Тем не менее, все это вызывало страшное возмущение «чистой публики», и в эпоху «диктатуры ума и сердца» диктатор М. Т. Лорис-Меликов упразднил III Отделение (даже номера этого в Канцелярии не осталось), а жандармов подчинил Министерству внутренних дел, именно Департаменту полиции. Но теперь они проводили только аресты и дознание по политическим делам. Но, опять-таки, не только: например, в начале XX в. московские жандармы вели следствие по

хищению в армии и продаже через Кавказ в Персию оружия, в том числе даже пушек (130; 41). А вот слежку за политическими преступниками вел теперь совершенно новый орган. В связи с развитием революционной пропаганды и террора ряд местностей объявлялись на положении усиленной или чрезвычайной охраны и там с 80-х гг. (в Петербурге – с 1866 г., после покушения Каракозова на Александра II) создавались специальные Охранные отделения (пресловутая «охранка»), или отделения по охране государственного порядка и общественного спокойствия. С 1902 г. они учреждены во всех городах. Подчинялись они Особому отделу Департамента полиции. Служили там чиновники, в том числе филеры, ведшие тайное наружное наблюдение, («топтуны» по советской терминологии) и так называемые «провокаторы», официально называвшиеся «агентами в революционной среде». В самом крупном Петербургском охранном отделении служило 600–700 человек: 200 филеров, 200 охранников, 50 канцеляристов, 12–15 жандармских офицеров, 5–6 чиновников для особых поручений, остальные – секретные сотрудники. В 1902 г. был создан специальный «летучий отряд» филеров петербургской и московской охранки в 70 человек, выезжавший срочно туда, где требовалось усиленное наблюдение, и в 1908 г. насчитывалось 120–150 «сексотов» во всех революционных партиях; на их содержание в 1914 г. было отпущено 75 тыс. руб., а по всему Департаменту полиции МВД – 600 тыс. (89; 146–147). Это и была настоящая

тайная полиция. А поскольку она была тайной, то и ее здания никак не могли «украшать» город, хотя весь Петербург, если не вся Россия знала дом 3 на Гороховой улице, где потом осела Петроградская ЧК.

Разумеется, нельзя не упомянуть об «украшавших» города острогах для подследственных, пересыльных тюрьмах и этапных помещениях для осужденных, а то и каменных губернских тюремных замках и централах. Так, в Вологде в 1824 г. был построен тюремный замок, в 1853 г. появилось исправительное арестантское отделение, позже преобразованное в каторжный централ, и имелась пересыльная тюрьма. В Нижнем Новгороде еще в начале XIX в. имелись смирительный дом – «для ограждения общества от великих предерзостей, добронравие повреждающих», работный дом – для мошенников, бродяг и нищих, кодергардия – главная гауптвахта (ордонансгауз) для содержания лиц благородного звания. В Ярославле в 70 – 80-х гг. было три тюрьмы: «губернская тюрьма на Романовском шоссе, арестантские роты на Угличской улице и арестантские же роты в Коровниках; впоследствии они были переделаны в каторжную тюрьму» (38; 232).

Нельзя обойти и возвышавшиеся среди особняков и изб в крупных гарнизонных городах воинские казармы. В 1797 г. Павел I дал указ московскому военному губернатору князю Долгорукову «О единовременном взносе жителям Московской столицы на построение казарм для войск…». До того

войска размещались постоем по обывательским квартирам, а в Москве и Петербурге еще с петровских времен строились особые слободы из небольших деревянных домов; долго еще на улицах столиц можно было увидеть таблички с надписью «Четвертая рота», «Пятая рота», а обыватели говорили, что они живут «в Измайловском полку»… Казармы строились на взносы с домохозяев, получивших грамоту на «вечное» освобождение от постоя, а на воротах появлялись надписи: «Свободен от постоя»; москвичи могут увидеть такую надпись на воротах дома Разумовских на Маросейке, где нынче находится посольство Беларуси. В 1801 г. в Москве из 8472 домов с 49 087 «покоями» 6122 дома были уже освобождены от постоя, но под постоем еще находилось 1990 домов. В том же 1797 г. под казармы был переоборудован Екатерининский дворец (позже в нем разместился 1-й Московский кадетский корпус), а затем были выстроены Спасские, Покровские, Красные, Крутицкие и Петровские казармы; с окончанием в 1807 г. строительства Хамовнических казарм все части Московского гарнизона были размещены по казармам. Не так было в провинции, где долго еще войска стесняли постоем обывателей.

Для обучения войск, включая кавалерию, в больших городах пришлось строить и обширные, хотя и не столь высокие экзерциргаузы, или манежи. С начала XIX в. они стали появляться в Москве, Петербурге, Киеве.

Городовые и околоточный

Там, где стояли гарнизоны, на центральной площади находилась кодергардия. Нередко это была каменная небольшая постройка в стиле казенного классицизма, с помещениями для главного караула и для арестованных офицеров, чиновников и солдат; находившиеся под арестом офицеры и чиновники могли привозить в арестную комнату кровать, постельные принадлежности, ковер, посуду, требовать из ближайшего трактира или ресторана обед. Так, в 1835 г. по доносу монахов за пропуск в печать стихов В. Гюго, где поэт обещал отдать рай за единый поцелуй красавицы, был арестован по приказанию Николая I при петербургской Ново-адмиралтейской гауптвахте цензор А. В. Никитенко. «Мне советовали послать домой за кроватью и за постелью. Я вытребовал только вторую и раскаялся… [На следующий день] Немедленно послал домой за кроватью и еще за дру-

гими кое-какими вещами. Здешние мои товарищи уже обзавелись полным хозяйством… Мало-помалу я совершенно обзавелся хозяйством. Каждый день получаю из дома по два письма, и оттуда же приносят мне обед» (94; I, 162–163). Разумеется, на арестованных солдат эти льготы не распространялись.

Перед гауптвахтой располагалась плац-форма, или платформа – возвышенная площадка с будкой для часового, находящейся рядом подставкой для барабана и стойкой для знамени, сошками для лежавших на них наклонно ружей караула и надолбами, ограничивавшими плацформу. Все окрашивалось в черно-оранжево-белый цвет. При появлении генерала, архиерея, воинской части, крестного хода или похоронной процессии часовой бил в колокол, солдаты выбегали из помещения и, разобрав ружья, брали «на караул». Именно это и имел в виду Хлестаков, рассказав, что однажды его приняли за главнокомандующего (то есть генерал-губернатора) и солдаты, выскочив из гауптвахты, «сделали ружьем».

Тверь. Застава

На въездах в город располагались заставы с дежурным полицейским караулом во главе с офицером. Здесь также был небольшой караульный дом, будка для часового и постоянно закрытый шлагбаум. Все въезжавшие в город или выезжавшие из него должны были предъявлять подорожные грамоты или другие документы, в караулке офицер делал соответствующую запись в шнуровую книгу, после чего командовал часовому: «Подвысь!» – и шлагбаум поднимался для проезда. Караул на заставах, как, впрочем, и прочую полицейскую службу, в дореформенном городе правили чины так называемых инвалидных команд: при длительных сроках службы солдаты, за болезнями и ранениями не способные к несению строевой службы, перечислялись в инвалидные части. Понятно, каково было качество такой полицейской службы: где же было престарелому увечному полицейскому справиться с настоящим вором или грабителем, человеком не только отчаянным, но и ловким, предприимчивым и по большей части молодым. Именно этих бывших солдат имел в виду А. С. Пушкин, писавший: «…Иль мне в лоб шлагбаум влепит непроворный инвалид…». Яркий портрет такого инвалида дал нам В. Г. Короленко: «Характерными чертами инвалидов являлись: вечно-дремотное состояние и ленивая неповоротливость движений… Команда этих путейских инвалидов представляла сословие, необыкновенно расположенное к философскому покою и созерцательной жизни… Вспоми-

наются мне пестрое бревно шлагбаума и фигура инвалида в запыленном и выцветшем сюртуке николаевских времен. Инвалид непременно сидит на обрубке у шлагбаума, со спиной, точно прилипшей к полосатому столбу. На голове у него тоже порыжелый и выцветший картуз с толстым козырем, рот раскрыт, и в него лезут назойливые дорожные мухи… Впоследствии нам доставляло удовольствие из-за столба щекотать спящему соломинами шею, а более смелые шалуны совали соломинки даже в ноздри бедного севастопольского героя. Инвалид отмахивался, чихал, иной раз вскакивал и испуганно озирался к тюрьме, в ту сторону, откуда мог появиться, стоя в кибитке и размахивая казенным листом, какой-нибудь стремительный «курьер», перед которым надо было подымать шлагбаум без задержки… Но, видя только пыльную ленту шоссе, страж заставы опять садился и мирно засыпал… И было в этой фигуре что-то символическое, – точно прообраз мирного жития провинциального городишка…» (68; 148).

Таков был русский, преимущественно «казенный» город.

Глава 2
Городская промышленность и торговля

Конечно, город был и промышленным центром. Что это была за промышленность, иронически-красноречиво сообщает нам Н. В. Гоголь в эпиграфе, предпосланном «Миргороду»: «Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц». Это сведения самые подлинные, действительно взятые из одного из «землеописаний» русского историка, статистика и географа Е. Ф. Зябловского; наиболее ценным из них было «Землеописание Российской империи для всех состояний» 1810 г. Не следует заблуждаться насчет употребленных Зябловским терминов «завод» и «фабрика». Такие предприятия обычно имели домашний характер, насчитывая вместе с работавшими на них хозяевами несколько человек рабочих и ни единой единицы специального оборудования: работы велись кустарным, ручным способом. В Вязниках Владимирской губернии, имевших около 1 тыс. человек населения, в 1809 г. насчитывалось 12 полотняных фабрик! В Суздале с его неполными 3 тыс. населения в конце XVIII в. было 17 кожевенных, 7 солодовенных и 3 кирпичных завода, а также 14 кузниц. Один из современни-

ков с иронией описывал свой экзамен по географии при поступлении в университет: не имея представления, о чем говорить, характеризуя один из российских губернских городов, он наобум назвал кирпичные заводы и выдержал экзамен; правда, экзаменатор слегка усомнился в ответе, но затем оказалось, что три (!) таких завода в городе действительно были, но ко времени экзамена успели сгореть, и не диво: длинный стол для ручной формовки кирпича в простейших дощатых формах и навес для его сушки составляли обычные постройки, несколько тачек и дощатые мостки – все оборудование для доставки сырья, а обжиговая печь особым образом складывалась из высушенного кирпича и затем разбиралась по окончании обжига. Подобные кирпичные заводы существовали во множестве во всех городах и большинстве сел.

Эти крохотные «заводы» (лучше сказать – заведения) действительно были эфемерными, то появляясь, то исчезая. В Вологде в 1711–1713 гг. по переписным книгам значилось 161 заведение (в том числе 1 канатный, 35 солодовенных, 33 кожевенных, 19 прядильных, 8 кирпичных, 6 маслобойных, 7 салотопенных заводов, 41 кузница и 7 квасоварен), спустя 70 лет было зафиксировано лишь 68 предприятий, в первой половине XIX в. уже 26 заведений, а к концу столетия имелось здесь всего 15 заводов, на которых работало около 400 человек. И доходы «заводчикам» приносили они иногда копеечные. Звенигородскому купцу Смолину, владевшему на-

ходящимся при его доме солодовенным заводом, его предприятие во второй четверти XIX в. приносило аж 15 рублей годового дохода!

В подтверждение мизерности таких «заводов» приведем еще фрагмент статистического описания Саратовской губернии на 1896 г., помещенного в известном Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона: «Фабрично-заводская промышленность Саратовской губернии находится в полной зависимости от урожаев и вообще от состояния местного сельского хозяйства, так как из него она получает почти весь сырой материал. В 1896 г. находились в действии 8565 фабрик и заводов с 25 165 рабочими (то есть в среднем менее чем по… 3 рабочих на «завод». – *Л. Б.*)… Из этого числа 737 заведений с 7470 рабочими… находятся в городах (следовательно, на городское предприятие приходилось уже 10 рабочих – тоже не ахти сколько. – *Л. Б.*)». Среди предприятий губернии было мукомольных мельниц паровых 43, водяных, ветряных и конных 1 500, маслобойных 720, винокуренных и водочных 27, кожевенных 209, щетинных 3, суконных 8, овчинных 453, мыловаренных 32, салотопенных 62; к ним добавлялись 26 лесопильных, 532 кирпичных, 21 чугунолитейный, 8 по производству минеральных масел, 36 ткацких. В самом Саратове, крупном и важном в экономическом отношении городе, где жили в 1897 г. 137 109 человек, было 156 предприятий с 3788 рабочими (24 рабочих на одно предприятие): 13 паровых мельниц, 27 паровых масло-

боен, 9 мыловаренных заводов, 3 табачных фабрики, то есть 52 предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, с 1148 рабочими (по 22 рабочих в среднем), а также 6 чугунолитейных заводов, 10 типографий, одна железнодорожная мастерская, 4 предприятия по производству минеральных масел с 1105 рабочими, причем на чугунолитейных заводах было в среднем по 63 рабочих, и в железнодорожной мастерской работало 250 человек. Это – в самом конце XIX в. в важном торгово-промышленном городе.

Думается, лучше всего составить представление о городской «промышленности» читатель сможет по фрагментам очерка известного русского бытописателя С. В. Максимова. «Обмотанными той или другой (пряжей. – *Л. Б.*) густо кругом всего стана от низа живота почти по самую шею, то и дело попадаются на улицах молодцы-прядильщики (встречных в ином виде и в другой форме можно считать даже за редкость)…

В конце длинного, широкого и вообще просторного двора установлено маховое колесо, которое вертит слепая лошадь. С колеса… сведена на поставленную поодаль деревянную стойку с доской струна, которая захватывает и вертит желобчатые… шкивы. По шкивной бородке ходит колесная снасть и вертит железный крюк… Если подойдет к этому шкиву прядильщик, то и прицепится, то есть припустит с груди прядку пенькового прядева и перехватит руками и станет отпускать и пятиться. Перед глазами его начнет закручи-

ваться веревка… Впрочем, иные колеса… вертит удосужившаяся баба, а по большей части – небольшие ребята.

Так нехитро налажен основной механизм прядильной фабрики… К тому же… и это маленькое заведение кочует: оно переносное. У хозяина невелик свой двор, а на вольном воздухе свободней работать… Вот он и выстроил свой завод прямо на общественном месте, вдоль по улице… Кто хочет тут проехать – объезжай около; там оставлено узенькое место: лошадь пройдет и телегу провезет. Остальную и большую половину улицы всю занял заводчик: выдвинул колесо…» (80; 371–372). Можно бы и дальше продолжать описание «завода» вдоль улицы, да незачем: и так все понятно. А между тем, Ржев, описанный Максимовым, в это время крупный (19,6 тыс. жителей) и богатый город, в котором «прядение пеньки составляет главную отрасль здешней фабричной промышленности… из отчетов 1863 г. видно, что на шести крупных фабриках (всего их 11. – *Л. Б.*) выделано пеньковой пряжи почти на 1 мил. руб.» (Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. Семеновым П. Т. 1–5. Спб., 1862–1885; IV, 290).

Так было повсюду: ремесленная переработка местного, то есть в основном сельскохозяйственного сырья. В Переславле-Залесском кожевенные, крашенинные, солодовенные, кирпичные и горшечные заведения, в Муроме – обработка кож, мыловарение, приготовление солода, производство кирпича и свеч, в Рыбинске в 1811 г. 2 кожевенных, 2

маслобойных, 4 свечных, 3 канатных, 5 крупяных, 4 крашенинных, 11 кирпичных и один гончарный завод. В 1838 г. «большая часть населения Вязников занимается салотоплением, литьем свеч, крашением холста и других льняных и бумажных материй на небольших при своих домах заведениях, резьбою иконостасов, иконописанием, чеканною, столярною, кузнечною, плотничною и при фабриках разными работами, портным и чеботарным мастерством и другими промыслами». В губернском Орле в 1861 г. более 80 предприятий, из них 26 пенькотрепальных с 321 рабочим, а в уездных городах Орловской губернии в Болхове заводов 38, из них 34 кожевенных, на которых 269 рабочих; в Ельце 48 заводов, в Ливнах 15 со 154 рабочими. Заводов множество, рабочих с гулькин нос: в Кромах целых 4 завода с 19 рабочими; через 10 лет в Кромах все еще 4 завода (лопнул один салотопенный, зато появился пивоваренный), а рабочих 22.

Наверное, здесь будет кстати разобраться с терминологией. В ту пору не было различия между понятиями «завод», «фабрика», «мануфактура». Завел хозяин некое производство – вот и «заведение», сиречь «завод»: металлургический, мыловаренный, кирпичный или конский. А уж как он назовет это заведение – мануфактурой, фабрикой или заводом – не существенно.

«Промышленный скачок» последней четверти XIX в. обошел многие города, особенно если «отцы города» не удосужились дать взятку проектировщикам, и железная дорога

миновала его (а в Волоколамске дали взятку, но чтобы дорога прошла мимо: побоялись шума, суеты и пожаров от паровозов). В конце XVIII в. выходцы из Армении в устье Дона, возле крепости св. Дмитрия Ростовского, создали богатое торговое поселение Нахичевань-на-Дону, имевшее широкие привилегии; а разный беглый сброд, стекавшийся в те края, вынужден был селиться в окрестностях города и крепости, и так возник пригород Нахичевани, Ростов-на-Дону. Однако, когда началось строительство железной дороги, нахичеванцы не сумели поладить с проектировщиками, и узловая станция была построена за Ростовом. В результате к концу XIX в. Ростов и по численности населения, и по объему торговли был большим городом, вторым по значению после Одессы, в некоторых отношениях даже более значительным, нежели Петербург и Москва (электрическое освещение, трамвай, канализация, водопровод), а Нахичевань превратилась в его тихий пригород. В древнем стольном городе Суздале, который также обошла железная дорога, в 1890 г. действовало более 40 мелких заведений, где было занято всего около 500 человек: сапожников, портных, булочников, калачников, медников и т. д., а также два кожевенных, джутопрядильный и колокольный заводики. Даже в 1912 г. в «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии» указывалось: «Фабрик в городе нет, торговля незначительная, главное занятие жителей – огородничество». В уездном Звенигороде, также древнем княжеском городе, ку-

да сейчас можно добраться автобусом от не дошедшей до него ветки железной дороги, в пореформенный период насчитывалось 57 торговых и промышленных заведений, в том числе постоялый двор, 3 трактира, 2 булочных, 3 кузницы, сапожная и портняжная мастерские. В 1883 г. здесь было выдано 51 гильдейское свидетельство и 22 разрешения на мелочную торговлю.

Воткинский оружейный завод. Начальство и мастеровые после их награждения

Но даже и там, где имелись предприятия тяжелой промышленности, картина больше напоминала деревню. Как уже говорилось, так называемые горные заводы располагались не в городах, а отдельно от них, где было выгоднее, а во-

круг них формировались рабочие поселения. Удобства подвоза сырья и топлива, наличие дешевых рабочих рук предопределяли появление и других предприятий. Многие наслышаны о Сормове и его судостроении. Вот какова его история. В одном из гвардейских полков служил юный офицер, грек по происхождению, Д. Е. Бенардаки. Вследствие какой-то «истории» ему пришлось покинуть полк, и он занялся… винными откупами. В три года «кабакомудрый Бенардаки», как назвал его известный острослов поэт С. А. Соболевский, разбогател и пустился в предпринимательство: заводил золотые прииски, скупал на сруб лесные имения, торговал экспортным хлебом. Попав в Нижний Новгород, он опытным глазом дельца увидел здесь наличие благоприятных условий для металлообрабатывающей промышленности: во-первых, расположение города как центрального пункта подвоза уральского железа по Чусовой и Каме; во-вторых, изобилие топлива, сплавляемого по лесным речкам Немде и Унже; в-третьих, наличие рабочих рук в малоплодородном Балахнинском и соседствующих уездах; в-четвертых, удобство сбыта по Оке и Волге. В 1851 г. Бенардаки купил близ деревни Сормово прозябавшие ремонтные мастерские Камско-Волжского пароходства и превратил их в процветающий завод с 2 тыс. рабочих.

Правда, внешне и Сормово, и другие подобные заводские поселения все-таки оставались селами, только очень большими. Вот данные по Златоустовским заводам – одному из

важнейших и крупнейших центров отечественной металлургии: на казенном чугуноплавильном и железоделательном заводе в 1860 г. 1069 человек рабочих и на оружейной фабрике – 1247 человек; всего же в поселке при заводах проживало 14 806 человек обоего пола в 1376 дворах. Это уже весьма крупные предприятия и значительное по числу жителей поселение; однако на двор приходится чуть более 10 жителей, то есть ясно, что подавляющая часть застройки – обычные частные дома типа деревенской избы.

Основная масса промышленных поселений на сегодняшний взгляд представляла нечто странное. Автор прожил 10 лет своего детства и отрочества в г. Омутнинске Кировской области и в с. Залазна Омутнинского района. Это были старинные поселения, возникшие в 70-х гг. XVIII в. при металлургических заводах. На Омутнинском посессионном железоделательном заводе вместе с принадлежавшими к нему рудниками и лесами в начале 60-х гг. XIX в. рабочих было 1830 человек, жителей же при самом заводе было 2902 души обоего пола в 504 дворах. На двух Залазнинских заводах (оба были расположены в одном селе при заводском пруду) в 1859 г. жителей обоего пола было 3007 душ в 382 дворах; с расположенным в двух верстах Залазнинско-Белорецким заводом и рудниками (109 рудников) они составляли заводской округ, в котором рабочих было в 1860 г. 680 человек.

Эта горнозаводская промышленность выглядела столь же мизерной, как и сами промышленные центры. Черная ме-

таллургия в основном базировалась на болотных рудах, залегающих очень неглубоко; так, при впадении в Вятку речки Омутной, на которой стоял (и стоит посейчас) Омутнинский металлургический завод, куски руды можно подобрать прямо на речных перекатах. Следовательно, и разбросанные по окрестным лесам шахты были неглубоки (еще в 50-х гг. XX в. в окрестных лесах кое-где можно было набрести на оплывшие ямы со сгнившей крепью).

Омутнинский завод. Цех

Выломанную руду и выжженный в тех же окрестностях уголь лошадьми привозили к домницам, небольшим сыродутным горнам (такую домницу, в которую еще до революции горновые «посадили козла» и которую удалось взорвать только в 60-х гг., автор видел в детстве). Вынутые из горнов крицы, огромные ноздреватые слитки железа, смешанного со шлаком, проковывали на огромных, приводимых в дви-

жение водяным колесом молотах, а затем полученное чистое железо обогащали углеродом в пудлинговых печах, разогревая его вместе с толченым углем и тем же шлаком. Простые, можно сказать, кустарные технологии, простое оборудование и масса тяжелого ручного труда. В XX в. эти технологии заменились мартеновским процессом.

Омутнинск даже в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. представлял собой деревянный городок при небольшом металлургическом заводе спецсталей (броня и инструментальная сталь), с обычными русскими бревенчатыми избами, огородами, загородными покосами и выгонами для городского скота, деревянными дощатыми тротуарами на центральных улицах и единственной деревянной торцовой мостовой на главной улице города; из каменных построек (советского времени) в городе была двухэтажная школа и трехэтажный Дом металлурга (Дом культуры), к которым добавлялись два десятка бревенчатых двухэтажных домов под райкомом, школами, другими учреждениями. Был до революции каменный собор, но с 30-х гг. на его месте громоздилась лишь поросшая бурьяном гора кирпичного щебня вперемешку с землей. Стояли небольшая деревянная православная церковь явно новой постройки и, за городом, потемневший от времени деревянный единоверческий храм – обычная изба, только крупнее. Такими же были небольшие города и поселки при других заводах этого металлургического региона: Черная Холуница, Белая Холуница, Песковка,

Кирс; после исчерпания залежей местных руд и оскудения лесов некоторые из заводиков были закрыты, и Песковку, например, нынче не найдешь даже на областной карте-двухкилометровке. Залазна же была обычным большим селом, где находился прежний заводской пруд и остатки фундаментов домниц.

И население таких промышленных поселений как в советское время, так, естественно, и до революции, помимо работы на предприятиях или в учреждениях, трудилось на приусадебных и загородных огородах и скотоводством. В том же Омутнинске вокруг завода располагалось немало принадлежавших государству сравнительно просторных домов, разделенных на две части, с обширными кухнями и огромными дворами. До революции здесь жили владельцы большого количества лошадей и их работники («рабочие»), занимавшиеся перевозкой грузов для завода – чугуна, дров, древесного угля и пр.: на дворах содержались лошади и повозки, в отдельных половинах с большими кухнями жили возчики.

После революции домовладельцы были раскулачены, а дома конфискованы. Промышленным пролетариатом такого рода «рабочих» при всем желании назвать нельзя: это были обычные крестьяне и мещане со свойственным им мировоззрением.

Разумеется, не следует полагать, будто бы вся русская промышленность была представлена мелкими «заведениями» с несколькими рабочими. Там, где для этого были условия

(например, имелись руды) или потребности (например, было развито судоходство), промышленность постепенно приобретала новый характер. В Туле, где еще на рубеже XVI–XVII вв. возникло оружейное производство, промышленность имела иной, нежели в Саратове, вид. В этом губернском городе с его 57 374 душами населения (на 1870 г.) одних бывших казенных оружейников было 21 259 душ, да 10 384 цеховых. В 1873 г. здесь на 132 фабриках и заводах, кроме казенного оружейного, работало 4350 человек. Конечно, были тут и мизерные заведения, например, салотопенный, костеобжигательный и медотопенный «заводы» с 6 рабочими на каждом, и даже мыловаренный и два лаковых, на каждом из которых было по 2 рабочих. Но на 5 кожевенных заводах работал 501 человек, на двух сахаро-рафинадных – 410. В городе было 90 металлообрабатывающих заводов с 2638 рабочими: 47 самоварных (1528 человек), 25 слесарных (916 человек), 3 оружейных (27 человек), 4 чугунолитейных (69 рабочих). Оружейники-частники (еще раз подчеркнем, что не учитывается огромный казенный оружейный завод) изготовляли в год от 20 до 30 тыс. штук ружей, револьверов и пистолетов, покупая стволы на казенном заводе и переделывая забракованное казенными приемщиками оружие; одноствольное ружье сбывалось по цене от 2 до 16 руб., двуствольное – от 5 до 50, пистолет или револьвер – от 1 до 25 руб. Тула – не только город оружейников: здесь было 13 предприятий по изготовлению гармоний, с 435 рабочими, а

знаменитых тульских пряников в 1869 г. было приготовлено 4,2 тыс. пудов на 12 840 руб. Среди ремесленников здесь было в 1870 г. 257 сапожников, 125 башмачников, 722 слесаря, 559 медников, 178 лудильщиков, 197 кузнецов, то есть преимущественно металлистов (Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. Семеновым П. Т. 1–5. Спб., 1862–1885; V, 240–242). В 1897 г. в Нижнем Новгороде переписчики отметили 3 мельницы, 4 судостроительных и чугунолитейных завода, цинковальный, гончарный, 3 пивоваренных и один винокуренный, кирпичный заводы и свечную фабрику, на которых работали 2,5 тыс. человек. На мануфактуре серпуховских купцов Коншиных уже в 1809 г. до 380 рабочих трудились на 88 ручных ткацких станах, производя в год до 4,5 тыс. кусков парусного полотна. В 1846 г. здесь было уже 3176 человек и действовала машина на конной тяге, а в 1848 г. Н. М. Коншин построил еще одну фабрику, где полученные из Англии станки приводились в действие паровой машиной. В 1858 г. наследники Н. М. Коншина поделили уже 4 фабрики общей стоимостью 2 млн руб. В 80-х гг. сосредоточивший в своих руках все производство Н. Н. Коншин владел практически огромным текстильным комбинатом, включавшим бумагопрядильную, ткацкую, ситценабивную, красильно-отбельную и отделочную фабрики; здесь действовало около 2 тыс. ткацких станов и работало 3,6 тыс. рабочих. В 1897–1898 гг. было построена еще и Новоткацкая фабрика с электрической станцией и железнодо-

рожной веткой. К 1917 г. предприятие Коншиных, по российским меркам, представляло огромную ценность: 120 тыс. прядильных веретен, 4,2 тыс. ткацких станов, более 13 тыс. рабочих и служащих, стоимость всего имущества составляла 22,4 млн руб., а объем производства превышал 45 млн руб. в год. Кроме основного производства, сюда входили лесные дачи в 21 тыс. десятин, подъездные железнодорожные пути, лесопильный, литейный и кирпичный заводы, различные мастерские, электростанция (2; 77–81).

Такого рода предприятий и в легкой, и в тяжелой промышленности было немало, начиная от Путиловских заводов в Петербурге с их 25 тыс. рабочих в 1916 г. Дредноуты типа «Гангут» водоизмещением более 25 тыс. т и длиной 180 м на верфи с несколькими десятками и даже сотнями рабочих не построишь, а после русско-японской войны, восстанавливая флот, Россия прекратила практику заказов кораблей иностранным верфям. К тому же строительство десятков эсминцев, нескольких крейсеров и дредноутов нужно было обеспечить не только кораблестроительной сталью и броневыми плитами, но и паровыми котлами, турбинами, пушками и т. д., и все это также производилось на русских предприятиях. А рельсы для десятков тысяч километров русских железных дорог, а паровозы и вагоны для них… Но все это было где-то там, в Петербурге, Москве, Екатеринбурге. А городов в России, губернских, уездных и заштатных, были сотни. В каком-нибудь зауральском Шад-

ринске, где родился автор, даже в 1930 г. всей промышленности было 2 мельницы, льняная фабрика, изготовлявшая мешки (самое крупное предприятие с 626 рабочими), пимокатный, шерсточесальный, спирто-водочный и лесопильный заводы и трудилось в промышленности 1117 рабочих из 24 тыс. жителей.

Облику русских уездных и большей части губернских городов, а тем более, заводских поселков, соответствовал и род занятий их обитателей. Особенностью русского сельского хозяйства было то, что почти все овощи и фрукты и значительную часть мяса и молока производила не деревня, а город, так что сельское хозяйство было своего рода «городской промышленностью». Торговое огородничество были именно городским. Еще Владимир Даль писал в своем Толковом словаре: «Ростовцы у нас – лучшие огородники». Здесь, в Ростове Ярославском, на сапропелях из озера Неро, выращивали лук, огурцы, цикорий, лекарственные травы, и всю Россию снабжали зеленым горошком; в 1876 г. близ Ростова был построен консервный завод, за сезон выпускавший 15 тыс. банок горошка. Вне конкуренции с другими видами промыслов стояло огородничество в Суздале: «Жители Суздаля по большей части за убожеством не купечествуют, а пропитания имеют от собирания в собственных огородах плодов…». Особенно много выращивали здесь лука и хрена, для чего даже были хренотерочные заведения. Но едва ли не более всего славился Суздаль вишней, отправлявшейся для

изготовления вишневки в Москву, что давало имевшим сады суздальцам «прибытку от 50 до 500 рублей» (41; 71). Садоводство, по словам одного краеведа, «это плоть и кровь вязниковца»; недаром в Вязниках было выведено четыре сорта вишни, причем вязниковцы торговали не только плодами, но и саженцами. Но более всего славились вязниковские огурцы. Огородничество и садоводство составляло «почти исключительное занятие жителей: им занимались как купцы, так и мещане на землях, арендуемых у города», которому принадлежало в 1879 г. 1,4 тыс. дес. земли под картофелем, рожью, овсом, ячменем. Огурцами и огуречными семенами прославлен был Муром, Коломна и Калуга были известны капустой, Орел и Козельск заваливали страну яблоками. Исследователи прямо говорят об «аграрных городах», в которых на душу населения приходилось по десятине и более сельскохозяйственных угодий; так, Суздаль был именно аграрным городом, а Вязники принадлежали к городам смешанного типа. Такой город в первой половине XIX в. невозможно было представить без расположенных на «городских» землях (принадлежавших городу, но находившихся за его чертой) полей, сенокосов и пастбищ. Кроме того, городское население занималось скупкой по деревням и перепродажей оптовикам продуктов сельского хозяйства, а отчасти и их переработкой: прядильным, ткацким, веревочным, кожевенным, скорняжным, маслобойным, мукомольным промыслами. Но и эти ремесленники и скупщики занимались земле-

делием и скотоводством – на своих дворах и огородах, при каждом доме, и для собственного потребления.

Таким образом, в XIX в. русский город отличался от деревни часто только своим официальным статусом, был тесно связан с сельским хозяйством и в сильнейшей степени зависел от природной среды обитания. Промышленность до самого начала XX в. в подавляющем большинстве городов представляла собой нечто мизерное. Но зато торговое значение города было огромным, и торговые заведения во многом определяли его облик.

Даже там, где сохранялись древние каменные кремли, они утрачивали роль градоорганизующего центра. Типичным центром стала городская соборная площадь. Эти площади одновременно имели и торговый характер, в дни ярмарок обрастая множеством временных лавочек, палаток, балаганов и других сооружений. В Пензе начала XIX в., по воспоминанию современника, «дня два или три спустя после нашего приезда… город вдруг наполнился и оживился: наступила Петровская ярмарка… Внизу под горой, на которой построена Пенза, в малонаселенной части ее, среди довольно обширной площади стоит церковь апостолов Петра и Павла. В день праздника сих святых вокруг церкви собирался народ и происходил торг. Но как жители, покупатели, купцы и товары размножились и стало тесно, то и перенесли лавки немного отдаль, на пространное поле, которое тоже получило название площади, потому что окраено едва вид-

неющимися лачужками» (23; 146–147). В Рыбинске в 1837 г. имелось четыре площади: Соборная, «местами вымощенная камнем, на которой стоят два соборных храма и колокольня», площадь «между гостиными дворами… вся вымощена камнем», площадь «против волжского перевоза и Постоялой улицы вся выстлана камнем» и Конная, немощеная (132; 79). Понятно, что площадь между гостиными дворами была торговой, как и Конная, где торговали скотом; можно утверждать, что торговой была и площадь против перевоза и Постоялой улицы, на которой, очевидно, размещались постоялые дворы для приезжих торговцев.

Вообще площади перед храмами в городах (да и в селах тоже) порой имели постоянный или временный торговый характер, так что здесь соединялось поклонение Богу и Мамоне. Это и понятно: где сбор людей, там и торг, тем более что иногда на площадях стояли принадлежавшие храмам и монастырям торговые постройки. В губернском Саратове в начале XIX в. было 8 храмов, из коих при церкви Казанской Божьей Матери на берегу Волги ежегодно в мае производилась «ярмарка с продажей фаянсовой и хрустальной посуды, а равно и глиняной и прочих товаров, как то: холстов, полотна, ниток, мыла, разных пряностей…

Б. М. Кустодиев. Провинция. Кострома. (Вид на Гостиный двор и пожарную часть)

Рождества Богородицы, она же Никольская: здесь пеший базар, корпус лавок, принадлежащих этой церкви, вблизи гостиный двор, где производится другая ярмарка… называемая Введенскою… Вознесения Господня, она же Михаило-Архангельская… Возле этой церкви ныне существует летом распродажа горянского товара (изделий из дерева. – *Л. Б.*), а зимой – привозимой из Астраханской губернии рыбы; в прежние же годы был здесь базар и продавались все припасы» (106; 31). Московский генерал-губернатор Беклешов предлагал ликвидировать бывшие при всех приходских церквах торговые заведения, устроенные в оградах, под колокольнями и папертями, «по неприличности», но митрополит Платон не согласился, заявив, что от этого «много потерпят» церковные доходы и духовенство; в 1805 г. закры-

та была лишь харчевня под Казанским собором на Красной площади.

Центр городской торговли, гостиный двор представлял собой крупное одноэтажное, редко двухэтажное каменное сооружение-каре, охватывающее просторный двор. С двух или со всех четырех сторон во двор вели широкие проезды. По внутренней линии постройки располагались многочисленные типовые лавки, выходившие передними дверями и витринами в широкую галерею на столбах, шедшую по внешней линии гостиного двора. Под этим навесом также производилась торговля с лотков. Кроме или вместо гостиного двора могли быть торговые ряды: 2–3 длинных корпуса с лавками, выходившими на обе стороны. Иногда в наиболее крупных городах торговые ряды превращались в пассажи: проходы между корпусами перекрывались легкими кровлями. В торговом Рыбинске были каменный Красный гостиный двор, одноэтажный, состоявший из 120 лавок, Мучной, также каменный, двухэтажный, «состоящий в квадрате из 4 линий и 64 лавок», и Хлебный деревянный ряд из 90 лавок (132; 78).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.